

СМЕРЬ

№ 3
10 коп.

А. Коваленко

БЕЛАЯ ЭСТАФЕТА

Ослепает блеском золота
Снег.
Лыжи гладки, ноги молоды—
Бег!
Целиною в гору, под гору—
В высь!
Мелколесьем, рошей, по бору—
В рысь!
И с размаха—
В крошечную чащу густого, столетнего
леса,
Зыбкий сумрак качается между стволов.
Здесь наверно есть бежки. Их скрывает
сплошная завеса
Покорившихся снегу сучков.
Обещает уютное детство и приятный
дом,
Снегирей игольчатый свист.
И опять:
— Вдоль опушки бегом
Крутосклонами—
Вниз...

День сторел. Поблек на ветках иней.
Слиный горизонт и звонок, и тосклив,
Победив немеряные версты,
Наст ломай искристый и черствый,
Вдохновляемый морозцем молодым,
Верю мускулам попраниему туман.
Не сладки! Проверка лачака
На сутробах вомосковских зим.
Черными созвездиями галки
Полетели на далекий дым.

Хорошо притти домой румяным,
Попрощавшись с месяцем багряным,
Волчьим голодом обеспокоить мать,—
Лечь как в облако в спартанскую кро-
вать,
Молодость свою не забывать...

БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Михась Чарот

МЕТЕЛЬ

Завывает метель над болотом,
Белой свиндет от края до края,
Мусор жизни разносит в поле,
Мир свищовым дождем поливает.

Бура ломит дубы и с разбега
Вырывает березу с корнями...
Красные цветы из-под снега —
Это семя, что брошено нами!

Мы засыпаны снежными искрами,
Наши ноги в ветках бурелома,
Мы кричим: «Близко мы, близко мы
К свету Великому! Новому!»

Не страшна нам метель на смерти,
Похоронные песни ветра,
Нам всю жизнь приходилось мерить
Огненные болота и дёбри.

Свист и хохот метели слышаем,
Все попрыска она пеленою...
Старый мир она смело разрушит—
Это бура зимы пред веснойю.

Не погибнет проезжий в метелице,
Путь найдет он в тумане болота,—
Тут отталкиваю путнику вертасы,
Что он скоро взойдет на высоты!

Что минует он бурю и слякоть,
О безмерной забудет грусти,
Перестанет метелица пльзкать,
Солнце в новую жизнь нас выпустит.

Янко Купала

ВОЛК

Хворост топча и мох
Темных болот и лоз,
Мимо бессонных берлог
Вылез на ржавый покос.

Глаза запылали огнем,
Голоден, люто злоб,
Стал и стоит стоабоим;
Вой оглашает дол.

Выл он до поздней зари,
Словно символ на суд:
Кто породил, сотворил,
За что не кормлен и люто?

Ночь—на добмчу в поход
День—лежи не дыши.
Пустошь—взад и вперед.
Пустошь—в днину и в
ширь.

Выл он, а эхо вдале,
Брызгая жельчью, неслось:
Томила его не печаль—
Проклятые его трясло.

Перевел Мих. Голодный

СМЕРЬ

№ 3 — 31 января 1930 г.

Литературно-художественный, иллюстрированный журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВКП(б) — Ил. «Молодой Гвардии»

Ответственный редактор С. Каганец
Заместитель редактора Я. Юдинкин

НЕ ТОЛЬКО РАЗГРОМИТЬ, НО И ДОБИТЬ

Ни на минуту не отвлекаясь от борьбы с правой опасностью, как главной опасностью на данном этапе революции, большевистская партия и ленинский комсомол вынуждены были обратить свое внимание на другой вид оппортунизма — оппортунизм «левых», получивший название левого загиба.

Питаемый теми же мелкобуржуазными соками, что и правый оппортунизм, «левый» загиб счел своей миссией несколько подправить генеральную линию партии, которая, не достаточно левая и вызывает сомнения. Приравняв огромное большинство хороших партийцев и старых большевиков, активно поддерживающих ленинский ЦК ВКП(б) и доверяющих ему, к партбоям, «левые» оппортунисты лишь занялись переименованием троцкистских базис и начали скатываться в то же оппозиционное болото.

Пандором для своих нападок на партию «левые» загибы набрали комсомол и его центральный орган — Комсомольскую Правду. Расчет здесь был прост: поймать комсомол на удочку авангардистской теории о роли молодежи, как наиболее передового отряда рабочего класса, ведущего даже и авангард партии. Оружие, также взятое напрокат из троцкистского арсенала...

Расчет не оправдался. Ленинский комсомол с негодованием отверг навязывавшуюся ему роль. Вместе с партией нанес он сокрушительный удар по «левому» загибу, быстро раскусив его оппортунистическую суть. Прижатые к стенке, «левые» вынуждены были в ряде заявлений отмежевываться от самих себя. «Левый» загиб был разгромлен, но не добит. Добить его можно, лишь вырвав из нашей почвы те мелкобуржуазные корешки, которые питают его. До тех же пор нужно всегда быть на страже, охраняя как зеницу ока генеральную линию и чистоту партийных и комсомольских принципов.

Последние события, имевшие место при чистке ячейки ВКП(б) редакции «Комсомольской Правды», где отдельные товарищи взяли под свою защиту лидеров «левого» загиба, а ячейка не сумела вовремя дать отпор им, лишний раз свидетельствуют об этом. Ибаченный из них союзом урок гласит, что, борясь с оппортунистами на правом фланге их фронта, откуда нам грозит главная опасность, нельзя ни на минуту ослабить огонь против «левого» фланга, значение которого для комсомола вытекает из всего предшествующего хода борьбы.

Адрес редакции: Москва, центр, Новая площадь, 6, Издательство «Молодая Гвардия». Прием в редакции ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Обложка худ. В. БЕЛЯЕВА
(см. на стр. 16)

БОЕВОЙ МЕСЯЧНИК

Е. Коновенко

Животноводство — одна из самых отстающих и вместе с тем одна из самых важных отраслей нашего сельского хозяйства.

От партии мы имеем наказ — организовать и перестроить животноводство на социалистических началах и комсомол в этой работе может и должен сыграть очень большую роль.

Сейчас проводится месячник животноводства. Но не везде он проходит удачно, не все комсомольские организации энергично взялись за дело. А между тем, этот участок работы — политический экзамен ленинскому комсомолу.

Фронт животноводства — это фронт классово-борьбы. Сейчас, когда мы взяли решительный курс на сплошную коллективизацию, когда ликвидация кулачества как класса становится в порядке дня — кулак, почувывая свою гибель, всеми силами старается подорвать производительные силы колхозов, лишить их значительной части живой тягловой силы и продуктивной скота, сорвать план развития животноводства. Кулак ведет яростную агитацию за убой и разбазаривание скота. Многие из бедняков и середняков попадают в его удочку.

На днях ЦИК СССР принял решение о мерах борьбы с хищническими убоем и разбазариванием скота. Кулаков, которые это продолжают или подстрекают других, привлекать к уголовной ответственности, лишать права пользования землей, конфисковать их инвентарь и скот. Не принимать в колхоз и исключать из колхозов того, кто перед вступлением в колхоз убивает или продает скот. Воспретить убой молодняка ниже определенного возраста.

Комсомольцы должны взять выполнение этого постановления под контроль.

Боевая задача дня — коллективизация животноводства, обогащение скота в колхозах. Комсомольцы молочных округов Сибири

вплотную взялись за это дело. Барнабинская организация обязуется организовать к весне 21 животноводческий колхоз, Омская — 16, Барнаульская — 16 и т. д. Энергично работают отдельные ячейки. Погорельская ячейка (Чаповский район, Барнаульского округа) уже организовала животноводческий колхоз из 108 хозяйств. Чаповская районная организация комсомола выехала на социалистическое соревнование по сплошной коллективизации животноводства в районе комсомольно Шилуновского района, Рубцовского округа.

Интересен поини комсомольцев Самарского округа (Средняя Волга), строящих крупный животноводческий комсомольский союзхоз. Для союзхоза уже отведен участок в 30 тысяч гектаров, комсомольцы проводят сбор средств на строительство союзхоза, устраивают субботники, проводят контрактацию крестьянского скота для союзхоза.

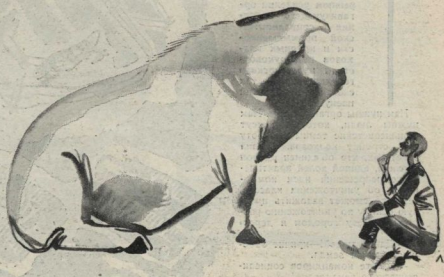
Это начинание должно служить примером для всего союза.

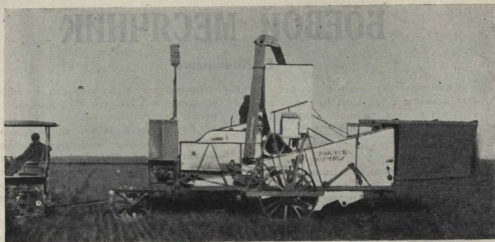
Борьба за правильное культурное ведение животноводческого хозяйства, агитировать словом и делом за постройку хороших скотных дворов, требовать постройки в колхозах башен для силосования (каше-ния) кормов, организовать кружки и бригады по пропаганде устройства силосов, объявить поход за корма, за расширение площади под коренными — вот тот еще неполный ряд заданий, который должен поставить перед собой комсомол и выполнять его.

Каждая комсомольская ячейка, каждый комсомолец должны по-большинству приступит к выполнению этих имеющих колоссальное значение не только для социалистической реконструкции животноводства, но и всего сельского хозяйства заданий, не забывая о борьбе с кулаком и полкулачником, пытающимся разоружить колхозы перед самою и сорвать наши животноводческие планы.

КОЛХОЗНАЯ ПИТОМИЦА

Рис. В. ЛЮШИНА

Комбайн в работе (совхоз «Гигант»)

Гвоздь в людях

Гигантские темпы, гигантская весна.

«Если мы сосредоточим силы на посевной кампании, если большевистская партия по-настоящему направит свои силы на весенние посевы, то здесь мы несомненно добьемся крупных успехов, это будет настоящей большевистская посевная кампания. Такого величайшего значения этой посевной кампании» (Молотов).

И действительно.

30 миллионов гектаров земли будет обработано и засеяно на общенациональном уровне. 300 районов сплошной коллективизации. Полностью механизированы 30 районных совхозов. Свыше 100 животноводческих совхозов. Миллионные стада должны размещаться на совхозских пастбищах в 60 тысяч квадратных километров.

Мы становимся металлургической страной. В эту весну в выпуск идет 10 тысяч тракторов. В 1931 году больше 100 тысяч тракторов и роторский сельхоззавод даст нам не менее 5 тысяч комбайнов, 104 тракторных станции на поля.

Это те показатели, за которые мы должны бороться действительно по-большевистски, не покладая рук.

«Строительство крупных колхозов должно развиваться разнообразными путями, в различных формах, при непрерывном усилении организующего влияния социалистической промышленности и крупных колхозов под руководством пролетарского государства», — так сказал ноябрьский пленум ЦК.

Нам нужны организаторы. Нам нужны люди, которые вносят большевистские темпы в работу и в стройки колхозов. Страна ждет тех, кто обединит единой мыслью, единой волей практического разрешения идеи коммунизма об уничтожении классов, тех, кто сможет заложить прочную основу по уничтожению различия между городом и деревней.

— Дайте людей! — кричит обобществленная земля.

— Дайте командиров социалистического земледелия!

— Дайте!

Где эти люди? Кто сможет справиться с этой величайшей задачей наших дней?

И партия отвечает:

«Мощным резервуаром, из которого должны черпаться руководящие кадры социалистического земледелия, являются индустриальные рабочие. Послать 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом.

— Есть, идеи! — звучит отзыв с фабрик и заводов.

Десять тысяч лучших ударников посылает Москва. Десять тысяч комсомольцев на постоянную работу в деревню. Украина готовит тысячу рабочих бригад. 300 рабочих бригад на фронт коллективизации дает Воюгда. Тысячи лучших пролетариев дает Ленинград.

В КОЛЬЦЕ Рис. Б. ПРОКОВА

511

КОМАНДИРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В гудкой поступи этих колонн слышен твердый шаг тех, кто способен величайшую задачу сделать действием миллионов масс. Только в рабочем классе представлен тот тип людей, у которых есть воля, коллективизм, решимость к беспощадному уничтожению всего старого, отживающего.

Отживающее цепляется, борется, не хочет уходить. В бешеной злобе шипит оно, клеветает, угрожает, скулит. Но здесь должна быть классовая непримиримость. Нужно помнить, что основное в нашей линии, сейчас — ликвидировать качество чуждого классу.

Раскулачивание там, где вырастают спонсоры, должно быть решительным в работе тех, кто попал в красный список 25 тысяч.

Осуществляя на деле высший принцип диктатуры пролетариата, нужно научить бедноту и середняков тем героическим темпам работы, которые сами же рабочие создали у себя на фабриках и заводах. Нужно переделать середняка и бедняка-колхозника «по образу и подобию своему». Это — не легкая задача. Но разве партия и рабочий класс когда-нибудь пасовали перед трудностями? Разве сердце, нагнетое классовой борьбой великой стройки, дрожало перед тем, когда требовалась жель? Нет. Эпоха создала новых людей, которые готовы отдать кров за дело рабочего класса. Этих-то людей, настоящих большевиков, и дает партия и рабочий класс на фронте колхозной стройки для решительной победы над классовым врагом, иттем, шатаньем и раскулачиванием.

С кем встретятся эти люди? Кто они должны сделать там, куда послал их рабочий класс?

Первое и основное — это vinto в коллективизированности массе крестьянства пролетарскую кровь, большевистские темпы, непримиримую ненависть к классовому врагу. Тогда, на совхозские поля эти рабочие должны перенести энергию, силу и волю своего класса. Создание ударных бригад, бережное отношение к машинам, к производству, вовлечение всей массы сельскохозяйственных рабочих в социалистическое строительство являются вторым практическим шагом организуемых в деревню. Совхозские будни нужно превратить в громадную борьбу за качество, за ударность.

В колхозах, в районных сплошниках, где беднота и середняки лавиной двинулись на путь социалистического строительства, основная задача заключается в том, чтобы научить эту массу жить общественными интересами. Нужно решительно бороться с пережитками мелкобуржуазных тенденций. Каждый колхоз должен быть ударной бригадой социалистической стройки.

Классовая борьба с кулачеством, полное обеспечение интересов бедноты в колхозе, обобществление крестьянского инвентаря — должно быть центральным местом в работе тех, кого партия послала в качестве командиров социалистического земледелия.

«Что значит классовая борьба вне колхозов до образования колхозов? Это значит борьба с кулаком, владеющим орудиями и средствами производства и закабаляющим у себя бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть.

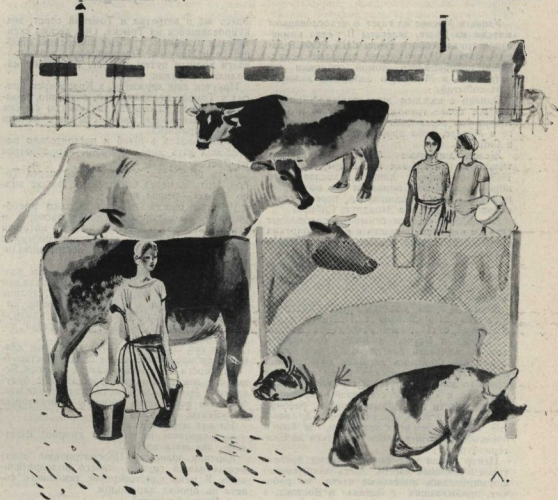
А что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняк и середняк объединены в колхозы на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих один не освободился еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки, это неравенство» (Сталин).

Направить энергию и революционный энтузиазм колхозной массы, организовать труд и распределение заработков в колхозе — важнейшая задача поставленная в деревню рабочим.

А культурно-бытовые вопросы: ликвидация неграмотности, ясли, общественные столовые, вырвать женскую массу и поставить

В КОЛХОЗЕ

Рис. В. ЛЮШИНА

Дойка коров

ее в ряды активных строителей социализма — разве эти вопросы не являются делом сегодняшних дней?

Все это должны сделать те, кому партия и рабочий класс доверили большую работу по

строительству крупного социалистического земледелия. Все это черновую, но важную работу должны сделать мы с тем, чтобы окончательно перейти на высшую ступень социалистического строительства.

«Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это называется у нас, у большевиков, настоящим наступлением» (Сталин).

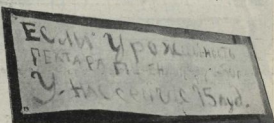
И мы это сделаем, если полностью перенесем наш оплот, нашу боевую революционную закалку в бедняцко-средняцкую среду.

Вступая в решительную схватку, вся наша сила, вся энергия должны быть сосредоточены именно на этой задаче.

Выполнять это — значит открыть новую страницу великой стройки наших лет.

Там, где были неграмотные — полки с книгами

В ТЫЛУ У КОЛЧАКА

Я. Шуляцкий

Узнав в Москве из газет о чехословацком мятеже на Волге, делегаты П съезда комиссаров труда первого съезда СНХ РСФСР завоновались. Приволжские делегаты немедленно поторопились домой, сибиряки же остались в Москве, в ожидании дальнейших событий.

Однако с каждым днем телеграф приносил все более тревожные известия, и многим из нас оставалось либо застрять надолго в Москве, либо прорваться сквозь фронт в Сибирь.

Железнодорожные билеты выдалась только до Витки, так как в середине июня 1918 г. фронтовая линия чехословацкого корпуса, которому помогали все объединенные силы эсеров-меньшевиков, перекинулась с Волги на Урал и в Западную Сибирь.

По Москве ходили самые разнообразные слухи о падении соввласти в ряде сибирских городов: в Тюмени, Омске, Ново-Николаевске и т. д.

Так или иначе, но сидеть в это время в Москве сибирским большевикам было просто невыносимо. А как прорваться туда, в дальний Иркутск?

Каким-то путем удалось достать литер до Иркутска за подполью г. Невского и отправиться с северного вокзала на Восток. Вологодку и Вятку, вопреки ожиданиям, удалось миновать благополучно. Но уже в Перми чувствовалось дыхание гражданской войны. Наш пассажирский поезд попал на какой-то запястный путь, а по линии стояли эшелоны, к которым стягивались красноармейские части и, главным образом, рабочие Мотовилихинского, Лысенского и др. заводов. С одним из этих эшелонов, где был и военный оркестр, удалось добраться до Екатеринбургa.

Центр Урала уже по-настоящему превратился в военный лагерь. Здесь аккордовно формировались войсковые части из рабочих, прибывавших с Запада и Востока, а также и по горнозаводской железной дороге. В штабе округа, где происходили непрерывные заседания, мне удалось завинировать свой литер и, после трехдневной передышки, добраться до ст. Богдановича, а отсюда—частью пешком, частью в случайных эшелонах—до Тюмени.

В Тюмени картина военного положения еще более стала ясной. Совет и парторганизация готовились к эвакуации на запад

Здесь же я встретил и Томский совет, эвакуировавшийся из Томска. Они весьма скептически отнеслись к моему намерению поехать в Иркутск. Томский совет эвакуировался южным путем, ибо ст. Тайга уже находилась в руках чехов.

Иркутск еще держится, а Красноярск пропал в Томска без предупреждения, очевидно, красноармейцы еще сражаются, так как по слухам части красновцев имели стычки с чехами около Маринска.

Я отправился в штаб и настоятельно потребовал дать мне возможность прорваться на Восток.

Путь был один: только вдоль черес-Тобол, Иртыш, черес Обдорск... «Дальше видного бюджета»,—решил я.

Недолго рассуждая, я несколько преобразил свою внешность, сменил паспорт и сел на пароход «Власть советов», который отправлялся в Томск с эвакуировавшимися с фронта империалистической войны инвалдами.

После восьми дней путешествия по волнам Тобола, Иртыша и Томи мы подержали в летний день к вновь испеченной провинции Западной Сибири. С берега сигнализировал капитана: «Отдай якорь!», и мы стали посреди фавората.

«Что сей сон значит? Что сулит нам «Западно-сибирское временное правительство»?»

От берега отчаливает катер с военным. Ясно, что мне приходится расстаться с браунингом. Это удалось незаметно продать, бросив в воду урбюру и некоторые документы.

Но вот и офицеры.
— Становись на поверку смиро! Штатские, два шаша вперед!

Картина знакомая. Просматривают документы нашей группы—ничего подозрительного. У меня удостоверение тамошнего совета на проезд пароходом.

— Ваша фамилия?
— Шелевичев.
— Вы арестованы?
— По какому поводу?
— В штабе узнаете.

Арестовали меня и схавали на пароходе легкого эсера Мельникова, но последнего, по распоряжению одного из тройки, возглавлявшей Зап.-сиб. врем. правительство, освободил. Меньшичка Новикова и интер-

националиста Юхевича даже не арестовывали. Я же на катере с веннами был увезен на берег, а отсюда по конвоем студентам Тельшевского института был направлен в штаб.

Здесь первым делом какой-то офицер назвал меня моей настоящей фамилией, чему я сильно удивился, и меня заперли в одиночной камере.

А раз назван sacramentalная для Сибири фамилия: «Шуляцкий», каждый из посетителей меня безразлично задавал мне вопросы по разным «трекам», вторым частью мной лично, как комиссаром труда и промышленности Восточной Сибири, но большей частью по «трекам», отосланным к моим двум одноклассникам—Борису и Федору Шуляцким, из коих первый был наиболее активным работником Центральной Сибири, а потому и наиболее ненавистным сабирской безогардейшине.

Дня два и терпеть это нашествие белогардейских «интервьюеров». Наконец я потребовал от председателя следственной комиссии меньшевика Винокуровского перевода на штабские работы. Он обещал, мне удовлетворить мое требование, но тут же учинил мне невероятный допрос, на котором стои оставаться.

Иркутским военным округом?
— Нет, Иркутск не был военным. Я—комиссар труда и промышленности.

— Ах, виноват, то Борис. Вы—Яков Шуляцкий—так? А скажите, что вы делали в Москве?

— Был на съезде комиссаров труда.
— А у Карачина в Наркоминделе вы были.

— Карачин—мой товарищ по отряду труда в Иркутске, и потому я с ним виделся в Москве.

— Что же, торговали Россией оптом и в розницу?

— В Москве тактично лавочек нет. Может, в Сибири, с божьей помощью братчиков чехославян, открыл такую торговлю.

Вскоре после допроса меня перевели в горную тюрьму.

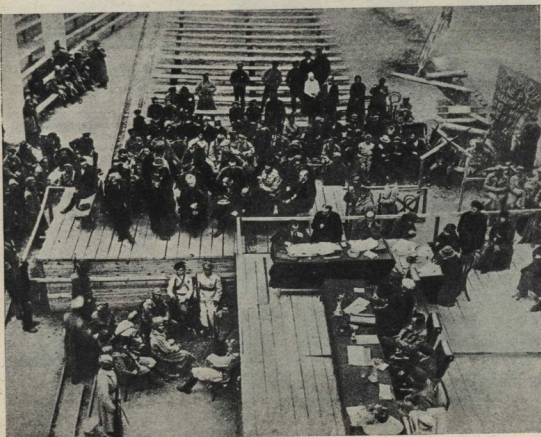
Здесь я встретил прежде всего некоторых товарищей, не пожелавших эвакуироваться на запад совместно со всей голышкой.

Кроме того были и красногвардейцы-партизаны, взятые чехами в плен.

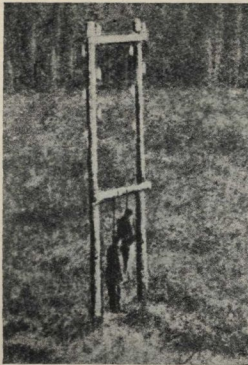
Положение было нелепое—«Западно-сибирское временное правительство», состоявшее из эсеров Бориса Маркова, Павла Михайлова, кедета Патушинского и др., начало колебаться вперед и назад. С одной стороны, были свежи традиции советов, профсоюзы еще имели свои организации и даже свою газету—«Знамя Труда». Но с другой—внутренняя белогардейщина, окрыленная успехом чехословацких наймитов французского империализма, поднимала голову и толкала власть вперед. Офицеры, украшенные возродившимися погонами, дали на гражданскую власть, заставляя ее смиряться всякие учреждения, имевшие какой-либо советский оттенок. Гороснет, еще каким-то чудом собиравшийся, был упразднен уже в конце июня. Начали поемноски упразднять и нарсад, и хозорганы советов, и земотделы, превращая все это в дороге царские палаты, канцелярии и т. д. В творчестве никому из арестованных никаких конкретных обвинений не предъявляли, а держали «вперед до...», а до чего неизвестно.

Мы решили обвинить голодовку. Для этой цели мы соединились с одиночным корпусом, где сидели гг. Нахонякин, Маузин, Люц и др. видные томские большевики, выработали соответствующие требования сводившиеся в основном к тому, чтобы нам была возвращена одежда, отнятая у нас, а во-вторых, чтобы нам были предъявлены конкретные обвинения.

Пять дней длилась голодовка. В городе рабочие и фронтовики устраивали «сканда-

Сдв над колчаковскими министрами

Телеграфные столбы служили вешалками

ды и демонстрации, требуя управляющего Томской губернии эсера Генерозова, чтобы наши требования были удовлетворены.

Однако этот тип, при помощи торжественно устроенной провокации, заключающейся в том, что в одном из корпусов тюрьмы, якобы, были во время голодовки обнаружены варены и др. съестные припасы.

Рабочие хотя этому и не верили, но в тюрьме, где кроме политических работников еще голодало около 500 рядовых красноармейцев, голодовка была сорвана.

Мени, Мауриня и Накановича, как непосредственных участников голодовки, перевели в другую тюрьму.

Это уже был период Сибоблазды. Контрреволюционером удалось сорвать это учреждение, которому они хотели придать не демократический характер.

Вскоре, однако, это «демократизм» обнаружился полностью. Представители рабочих, появившиеся тут по выбору при первых же выступлениях, были арестованы и препровождены в тюрьму. Но этим дело не ограничилось. Контрреволюция шла все дальше: Якушевич, Дербер, Дистлар и др. противники «соединения» оказались уже на дефол флаге.

Настал период прославленной «Директории», возникшей в результате торговли между самарским КОМУЧем (комитет Учредительного собрания), представителями ЦК эсеров и законен Временным сибирским правительством.

Директория, состоявшая из адмирала Колчака, генерала Болдырева и горе-социалиста Авксентьева, послала этого последнего сказать Сибоблазду, что ей надо работать. Она, попомнивши, разошлась по вельденно своего начальства.

И тут подходы дела значительно. Недавние владетели, члены Завадло-сибирского временного правительства, Мирков и Михайлов вдруг появились у нас в Томской тюрьме, уже как заключенные.

Их, как и следовало ожидать, держали недолго. Мени же, по требованию Иркутской губернской, санкционировавший ряд казней. Казнены были Штейнберг, Постоловский—один из наиболее активных работников Иркутского совета, М. Гоффер—председатель Черемховского горсовета. По казни Гоффер сошел с ума, его брала из-

под койку, и Яковлев наградила его нудным походом перед казнью. Дальше началась жестокость и контрразведки ген. Гайды. Рабочего Мирманова, оправданного даже колчакскими судами, все же по требованию контрразведки вывели в 2 часа ночи и связанного повесили.

Но тут уже побеждал вперед. Период Директории был недолог. Офицер-бандит устроил с вельможи Колчака перепорот. Воздвигся верховный правитель всея Руси. Это была триумф сибирской белогардейщины, собиравшейся ликвидировать ненавистную «соединку» не ради каких-то призрачных целей демократической учредительной, а с целью восстановления исконных русских устоев—православия, самодержавия и народности.

Началось царствование Колчака в обстановке несмысленного террора, обрушившегося на голову не только рабочих Омска, но поразившего часть «народной демократии», вчера еще ценовавшие пяти «Директории», где был их единоличником Авксентьева. Этому последнему вместе с другим влиятельным думой и идейным вдохновителем белогардейщины было предложено убраться по добру-по зловру за границу. Они с большим «славлением» оказались для новой власти. Но, чтобы не терять окончательного декорума «единения всех живых сил», а правительство Колчака были оставлены еще эсеры Вологодский (премьер), Стариковский (министр юстиции) и мещенцев Шумловский (министр труда).

Жалкая претельская роль этих последних заключалась в популяризации идей адмирала.

Однако гораздо лучше исполнялась эта гнусная роль махровыми атаманами, воздухопловниками типа Дутов, Красильников, Калмыков, Семенов и КЧ. Эти лихие генералы распорядились козлом. Пока колчакский «двор» устраивал конкурсы на предоставление лучшего текста нового патристического гимна «возрождения России», пока приворные панегристы типа Сергей Аусельский и другие трудились над своими черносотенными виршиями, «господа офицеры» задавали пир на весь мир, под звуки «Боже, царя храни».

Под марш «Душгивный орел» 250 тысячи мобилизованных кузавок чинили суд и расправу над крестьянской Сибирью и разрешивали рабочих на фонарных столах.

А затем, под звуки французской Марсельезы, парижские интервенты, посланные Клеменсом под командованием Жанена, устранили «фильски смерти». Они были несложны. При поднятии повешенного на «журнальщи» колодез за ноги казенного уцеплялись два французских капра. Последние козвудили вот умирающего на виселице заставляли «забавников» палача проделывать несколько «па» в воздухе, очевидно, «до-ставлявшие большое удовольствие всем, жаждящим зрелища, белогардейцам. Казнили и колчакщины шел сверху и снизу, и звание и внутри. Буржуазия и дворянские отродье, потанувшиеся в Сибирь под итаиском растущей диктатуры пролетариата, приносили с собой, не только «бон тона», но и полное разложение.

Вознакроем на йоставках для «армии возрождения», баснословные взятки и полная беспомощность в налаживании хоть какого-либо хозяйств.

Поезда по дороге двинулись белогардейцами, черепальным шлагом, топидо до бывалою углекопными под ударами приходов чехословацких и казавков, а голод своими костьюми палачами обид и гордым, истреблен, очень быстро, покинутую

костями, предпочитавшими запознать стронными бойцами ряды красных партизан. Партизаны во главе с т. Яковенко, дрались с отрядами ген. Розанова и даже итаискими кавалеристами. Затем, точно финики из пелла, выросли и окрепли в Минусинском и Красноярском округах отряды тт. Штеинкина и Краченко. На востоке действовал отряд дедушки Клардашавина.

Все за отряды, трепалки верховного правителя, что называюется, в хвост и в гриву. А тут пошли явные неудачи на западном фронте.

Уже добравшись до Екатеринбург, Пермь и Уфы, полки адмирала, мечтавшие о Москве, дружили перед выросшей силой 5-й Красной армии.

Теснине с запада на восток, казаки Дутова и генерала Сахарова пытались задержаться на Тоболье, но разложение пошло полным ходом. Пришлось формировать польские и румынские легионы, но челостовские наймиты, в достаточной степени приращенные на Урале, отказались от перехода позиций.

Об этом последнем можно было бы рассказать многое, но рамки журнального очерка этого не позволяют. Напомним лишь, что за год и три месяца сидения в иркутской тюрьме мне пришлось пережить столько, сколько не пережил в многочисленных тюремных скитаниях, в тюрьмах и сысках самодержавия.

И тем не менее мы чувствовали себя гораздо бодрее, нежели в тюрьмах самодержавия. Объясняется это тем, что каждый из нас тем или иным способом получал газету с воли, и даже в официальных сводках казенных писак вычитывал радостные вести о победе революции и предстоящей скорой гибели Колчака.

В глубокую тюрьму Колчака, т.-е. в той же столице—Иркутске, вспыхнуло восстание гарнизонных частей, удержанных забастовавшими рабочими. На четвертый или пятый день восстания и борьбы обеих сторон мы, находившиеся в тюрьме, расположенной в зоне огня, были выслезены в Знаменское предместье, под видом, якобы, эвакуации, так как эсеры и меньшевики, неожиданно очутившиеся в главе восставших, не смели нас освободить, из боязни лишиться поддержки чехов.

Но, очутившись в Знаменском предместье, в банном бараке, свыше 600 политзаключенных немедленно вооружились и организовали рабочие дружины и, создав явный перевес на стороне красных, заставили козачков бежать на восток под командой генерала Сычева. Главное было сделано. Оставшаяся распристав и должным образом встретил с запада части генерала Капеля, отступавшего от красных, и ликвидировать белогардейские части, оставшиеся в самом Иркутске и по линии дороги. Все это было успешно проделано одновременно с устранением лопых временных властителей от «Политцентра», т.-е. эсеров и меньшевиков.

Когда же мы окончательно овладели властью и немного упорядочили разорванное промышленностью Урала и Сибири, был сыгран и последний акт сибирской драмы: 7 февраля 1920 г. Колчак и его премьер, по приговору ревкома, были расстреляны.

Жестокое чехословацких «гостей». Ожесточенные трупы расстрелянных партизан

В ГОРОДЕ „ХОЛОПОВ БЕГЛЫХ“...

В Дробот

Много лет тому назад русские крепостные крестьяне, спасаясь от царского гнева, сотнями и тысячами утекали на опустевших помещичьих деревнях за Урал, преимущественно в Прибайкальский район. Засяли они семьями образовывали новые поселки, выбирая из осторожности наиболее глухие и малолюдные человеку места. Осели за Барнаулом и Бийском, селились в Колдоно и Томи.

И вот там, где суходоходная Томь круто спускается на запад и воды своими извилистыми поворотами к высокой горе, а весной надолго разливаются на противоположной покатой стороне, выбрали «по царскому указу» место под крепость: на страх врагам, населяющим соседнюю Монголию и для острейки «беглых холопов». Крепость застроили на горе, а немного ниже разный мастеровой люд, главным образом кузнецы, построили себе временные жилища. Крепость закончили, а затем, кто по охоте, а большинство неволь, тут же осели, и на это раз навсегда. Отсюда и город получил название Кузнецка. Мастера остались в новом городе и работали то в крепости, то в ближайшей округе, а землю на противоположном берегу Томи забрали «по слову божьему монахи».

В начале нашего века Прибайкальский район прибрали к рукам австрийцы и англичане, а Кузнецкий округ и дальше, по Томи, в сторону Байска, облюбовали два промышленных общества—Кузнецкое и Металлургическое. Тогда же в горах, возвышихся Тельбесс и Темир-Тау, привезли разведки и установили, что в районе «руды и коксолого угля вполне достаточно для создания завода производительностью в 820 тысяч тонн.

Но для постройки завода требовалось удобное место. Приступили к новым разведкам, и сколько ни искали, лучше захваченного монахами места не нашли. Монахи за услугу земли заминили такую «божескую цену», что оба общества рисковали «прогореть» еще до начала работ.

Революция уничтожила и монахов, и их право на землю, и облюбованное когда-то промышленными обществами место под постройку завода освоилось, стало государственным.

Кузнецкий округ богат не только металлами, но и углем очень высокого качества и допускающим коксование. Богат металлами, и в том числе железом и медью, и Урал; угля же на Урале хорошего нет.

Тогда возникла мысль: наиболее целесообразно, целесообразно использовать для одной и той же цели уральскую руду и кузнецкий уголь. Мысль эта содвинулась к тому, чтобы дешевой и хорошей углем Кузнецкого бассейна давать как горючее заводу Урала, и в первую очередь Магнитогорскому, а часть руды с горы Магнитной отправлять на переработку в район Кузнецка. Одновременно подчинить—не выгоды ли вместо перевозки руды с Урала в Сибирь сейчас же приступить к прокладке шахт на Тельбессе и Темир-Тау? А в этих местах промышленной руды уже и теперь

Разработка площадки под ст. Западно-Сортировочная

найдено по 15 млн. тонн—количество, достаточное на добрые 25 лет. Но Темир-Тау и Тельбесс расположены далеко в горах, и чтобы начать там работу, нужно прежде всего проложить сюда железнодорожный путь. Дело это требует сразу же больших денег. В то же самое время перевозка только одного угля из Сибири в Магнитогорский район тоже невыгодна: обратно составы пойдут пустыми.

После этого стало ясным, что мысль о взаимном использовании богатств обоих районов, во всяком случае, на первое время, самая правильная. Окончательное решение этого вопроса получило весной 1929 года, после чего фактически и было приступлено к постройке у города Кузнецка первого большого в Сибири металлургического завода, сокращенно—Кузнецкстрой.

Завод будет не только самым большим, но и самым лучшим по технике во всем нашем Союзе. Ну, хотя бы, по таким расчетам: годовая производительность одного рабочего на современных уральских заводах равняется 12—15 тоннам, а на лучших южных 40—60 тоннам; на Кузнецком же заводе производительность выражается в 155 тонн. Механизация отдельных цехов завода тоже оставляет далеко позади себе даже такие новостройки, как завод на горе Магнитной. Шахта здесь такая: «домашний цех Кузнецкстрой должен дать на одного рабочего 1542 тонны против 1065 тонн Магнитогорского и 300 тонн лучших южных заводов; мартовский цех—1189 тонн на одного рабочего против 657 магнитогорского и 200 тонн лучших южных заводов». В первые годы эксплуатации Кузнецкстрой даст государству 400 тыс. тонн изделий, а затем это количество удвоится.

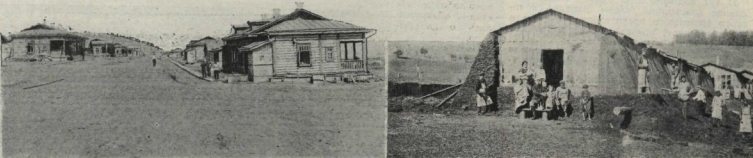
До сих пор новому строительству сопутствовали самые разнообразные затруднения, которые приходилось всеми правдами и неправдами преодолевать уже в процессе работ. Основных причин затруднений—теперь начало работ, обусловленное запоздалым решением самого вопроса о строительстве. Отсюда—переход с рабочей силой, большие затруднения с организацией производственного снабжения, острый недостаток в строительных материалах и, наконец, тяжелые бытовые условия всего коллектива строителей.

Все это чрезвычайно тормозит весь ход работ, но веру в конечный успех не убывает. Достаточно, хотя бы, такого примера: правительство постановило закончить всю постройку в три с половиной года, строители недолго вынесли решение, а в порядке социалистического соревнования, сократить этот срок до трех лет.

Большую помощь строителям оказывают местные комсомолы. Организованная ими легкая кавалерия уже успела прощупать все уголки разбросанного на пятнадцать квадратных километрах строительства и внести свои предложения, которые исправят много мелких недочетов в работе огромного аппарата. Их предложения не открывают никаких америк, но одновременно приносят строительству значительную пользу. На выборку, хотя бы, такое: «безразлично больных ли в каком случае не ложить с заразными больными и одну палату, а также не допускать сиделок, ухаживавших за заразными, к незаразным больным».

Чего бы, казалось, инее и прочее! Между тем, для того чтобы незаразным больным не ложить в одну палату с заразными, необходимо уменьшение легкой кавалерии.

Сейчас это предложение уже выполнено.

МЕККАНО

В. Толмачев

Если внимательно присмотреться к несложным, даже рудальным по назначению машинам, то легко заметить, что их основными частями, по существу, один и тот же.

Развитие техники осуществляется, главным образом, в упрощении комбинаций этих типичных частей и в приспособлении к форме и материалу к тем или иным специальным требованиям.

Под именем «Меккано» за границей известен набор для моделирования, построенный как раз на этом принципе. Представляет себе набор с отделениями, выполненными стандартными частями машин, в уменьшенном, конечно, виде.

Как основу для всякого механизма, мы найдем здесь прежде всего пластинки различной длины с просверленными в них рядками отверстий. Соединяя эти пластинки друг с другом при помощи маленьких болтиков с гайками, можно построить, стойкой любой машины, форму любого металлического моста или подобного яруса, кату электромотора и т. д.

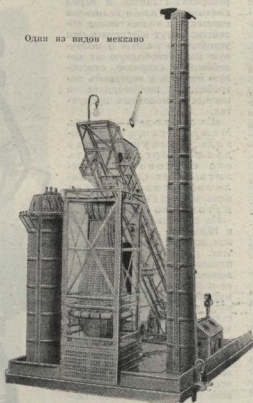
Важна эта тем более обстоятельство, что наряду с основными пластинками и болтами для скрепления набора свайваются еще «узловым железом» и способы различной резьбы.

Следующая группа частей служит для сборки движущихся элементов модели. Сюда относятся прежде всего шпильки (болтики), служащие в разных случаях для самых разнообразных целей. Далее мы встречаем валы, гладкие или с винтовой нарезкой, клеюхой (саншпиль, элмилки), для установления колес на ось и определяющим положением, несколько видов шарниров и, в более крупных наборах, различные зубчатки, ролики и т. п.

Даже при малом количестве этих частей имеется полная возможность строить довольно сложные движущиеся модели.

Модели получаются, конечно, весьма схематичными, но основаны идеи машины, как видно на рисунке, все-таки полностью передается.

Один из видов меккано

Эта разнообразность «Меккано» и подобных ему наборов для моделирования (Германия «Стабиль» и «Мелини», наш советский «Пионер», выпускаемый веземно в Харьков) создает для его применения весьма широкие возможности.

«Меккано» может применяться как игрушка для детей (малые наборы №№ 1-2), как интересное и полезное развлечение для подростков (средние наборы) и, наконец, как вполне деловое орудие изучения техники в профшколах, ФЗУ, специализированных школах II ступени, даже в техникумах и вузах (большие наборы №№ 5, 6, 7).

«Меккано» развивает работоспособность, способствует планированию своей работы и, главное, учит техническую психологию в человеке. Кроме того, что «мекканизм» на практике знакомит с принципом действия и устройства различных машин и инженерных сооружений, он еще научает конструировать, — комбинировать из небольшого числа деталей различные по характеру и назначению механизмы.

Между школой и фабрикой, между школой и вузом или техникумом у нас сейчас явный разрыв. Смена приступает к изучению техники только там, где надо, но существует, проводящий уже не язык, а самую «язык». Между тем, ни в школе, ни даже в университет для изучения механики техника у нас еще не в почете. Принципа проста. Нет метода живого и увлекательного, для того, чтобы заинтересовать техникой. «Меккано» завоевывает этот пробел, и его надо, поэтому, как можно сильнее продвигать.

Всесоюзное общество «Техмас» организовало недавно специальную секцию технического любительства и поставило своей задачей добиться массового производства «Меккано» в СССР. Почти этому производству уже положен в Харьков, выпускающий уже наборы № 1, и до всех данных в этом году мы будем уже иметь новый увлекательный вид технической учебки.

Г Е Р О И О Д В А

Много незабываемых героических эпизодов и ценных страниц вписали комсомольцы в книгу подвиг Особой Дальне-Восточной армии. Некоторые из них отдали свои жизни в борьбе с белокайтаями. Никогда не забудет Особа молодых энтузиастов революции! Не должен забыть их и Ленинский Комсомол.

Сейчас, когда там в далеких сопках хрустит мороз и свистит январский сумасшедший ветер, вспомним тех, кто, охраняя подступы к советским рубежам, отдал свою жизнь революции.

По-граждански — секретарь комсомольской ячейки Н-ского эскадрона.

А по-военному — оторг ГС.

Сережа Николаев. Крепкий рукава и твердый руководитель бунной, как сама кавалерия, эскадронной комсомолки.

Секретарь заводской ячейки должен быть ударником. Иначе он не поведет за собой молодежь завода. Оторг ГС, эскадрона должен быть первым в стремительной атаке. Иначе быть не может и не бывает. Поэтому Сергей Николаев, комсомолец-кавалерист, всегда был впереди.

Он умел показать, как сражаются комсомольцы. В бою он вел расчетливый и верный огонь, не теряя самообладания, направляя свой удар туда, где была наибольшая опасность. Это он спас жизнь полнотрака. Это он застрелил китайского офицера, занесшего руку над полнотраком.

Вместе с другим комсомольцем и командиром взвода Азиевым, Николаев наступал. Увлекал бойцов, Николаев, под сильным ружейным и пулеметным огнем, вел их на штурм упорно оборонявшейся крепости. У самых стен засело белокайтское офицерье и солдаты.

Лихой атакой противник был сметан. Он в панике бежал за город, бросая все на своем пути. Но на том месте, где

легли изрубленные тела бандитов, лег и товарищ Николаев. Пуля пробивала ему голову. Комсомольца Николаева не стало.

Но смерть одного комсомольца не остановила других. Другой комсомолец и командир — Азиев продолжал, во главе своего взвода, преследование убегающих банд.

Полки противника, цвет и гордость муждской армии, разбежались по полю. В двух километрах от города идет ликвидация разгромленных банд. И здесь встретил свою смерть командир взвода — комсомолец Азиев. Сокрушая врага, он врезался в самую гущу схватки. И снова пуля, ударом в голову, сразила боевого комсомольца. В глубоком молчании подполкали бойцы разметавшиеся на желтой каменистой земле тело своего командира.

Их имена, славно погибших в боях комсомольцев. Убит комсомолец Груздев, убит малоработный, но бесстрашный Ильяшюкин, убиты в четвертой конной атаке комсомольцы Куделин и Соколов.

Они валились в бой и крепко держали винтовки в окоченелых на глужем морозе руках. Умирая, они передали свое оружие другим молодым рабочим и крестьянам и завещали им так же метко и сокрушительно разбить офицерскую погань, как это делали они.

Над их свежей могилкой поклоняемся, товарищи, что каждый из нас до последнего вздоха будет верно служить революции.

Склонив голову, стиснув зубы, напрягнув все силы, мы будем продолжать нашу гигантскую стройку. Но при первом тревожном гудке вся молодежь Советского Союза встанет стальной, несокрушимой стеной на северных и южных, на западных и дальне-восточных рубежах.

Слава героям Особой!

Вечная память павшим!

Город, взявши социалистические темпы строительства, предъявляет требования: мяса, животных яиц, масла, молока.

Статистика отмечает, что в последние годы производят значительно повысилась душевую норму потребления мясных и молочных продуктов. Это — не чрезвычайное, не тяга к лакомому куску. Просто — на просто «темп» потребления выравниваются по темпам строительства, а культурный подъем массы диктует переход на полноценное, вкусное и высококалорийное питание. Интенсивно работающий человек должен хорошо питаться.

Проблема, не менее важная, — вывоз продуктов животноводства за границу. По своим вкусовым качествам наше импортное мясо, яйца, масло — чемпионы невероятной силы. Они оказывают продукты датского и североамериканского производства на любом рынке. Эти продукты оплачиваются золотом, а золото — это машины. Разве непонятно?

Но деревня: с своим единоличным хозяйством у нас год-два тому назад запросила парадон.

За последние годы прирост скота в деревне шел не плохо. Дерезенское стадо не только достигло довоенной черты, но и превалило ее. До 1927/28 года прирост стада крупного рогатого скота составлял от 6,5 и до 8,8%. Мы отмечаем это, как большой успех народного хозяйства, и говорим, что животноводство государства чувствует себя прилично. Но в 1928/29 г. прирост стада неожиданно упал до 2,2%, а по крупному рогатому скоту и по свиным полосула убавля от 3,9 до 17,2%. Живущие νοжницы раскрылись быстро и застали нас почти неподготовленными, так как мы сильно отложили решение животноводческой задачи, надеясь, что крестьянская коровка пока что нас подержит. Нет, и не подержала. Забастовала раньше времени.

Причина? Много причин. Наибольшее сокращение стада наблюдается в районах товарного животноводства, и это говорит о том, что деревни не успевают покрывать то, что съедет город. Но есть и другое: коровная база крестьянского скота находится в жалком состоянии. Частичный недород прошлого года, затруднения с зерном и проч. заставляли сокращать стадо, убирать из него лишние «едоков». Плохое содержание скота и падение своим порядком авралов стаду, а тут еще «дукал» руку приложили.

Все к одному: мясной кризис в нашей стране неоспорим. Только благодаря планомерному снабжению, город имеет мясо, если и не много, то по всяком случае регулярно. Но каждому ясно, что здесь нужны решительные меры. Не менее решительные, чем меры прошлых годов, когда страна подошла к необходимости решить проблему, и решала ее.

В стране организуются «Скотоводы», который должен совершить такие же организационные и трудовые чудеса, какие показал «Зернотрест». Задача животноводческого ве-

реворота» ставится и перед колхозами. Только великаны советские и коллективные хозяйства могут обеспечить нам устойчивую мясную и молочную базу, свободную от колдобан и капризов, способную покрывать и перекрывать потребности пролетариата в мясных и молочных продуктах.

«Скотовод» — молодец. Между тем, «Скотовод» в текущем году должен организовать сеть совхозов и поселить в них свыше миллиона голов скота при 100 тысячах голов маточного состава.

По директиве ЦК ВКП(б), в 1930/31 г. «Скотовод» обязан довести свое стадо до 2 млн. голов скота. К концу пятилетки площадь «скотоводческих» земель намечается в 30 млн. гектаров. К этому времени выход товарного мяса в совхозах должен достигнуть 583 тысяч тонн при 1,665 тысячах тонн мяса, которое должно дать колхозы. Все это ставит «Скотовод» на военную линию, требует от него боевых темпов и героической работы. Нужны большие кадры работников (зоотехников, ветеринаров, мисоведов), нужно подумать о наемке земель для животноводческих хозяйств, начать подготовку материалов и хорошенько подработать типы строительства, так как «Скотоводу» и другим животноводским трестам приходится строить из местных материалов, не доскопачивая.

Дать лозунг и через курсы животноводства, специально организуемые при вузах, дать «просоветенное» ковонов, — не это ли задача комсомола? Помощь и забота о нем — земля и строительство, — разве здесь не требуется помощь комсомола? Взять повседневное шефство над мясниками, блеющими и хрюкающими питомцами совхозов, — разве это не наш долг?

Животноводство в колхозах СССР в 1928 году дало валовой продукции на 44 млн. рублей вместо 18 млн. руб. в 1927 году. Рост как будто и большой, а в действительности — слезы по сравнению хотя бы с валовой продукцией зерна, которая достигла в 1928

году 217 млн. рублей вместо 64 млн. рублей в 1927 г.

В 1929 году отставание колхозного животноводства только обострилось. В то время, как доход от полеводческих культур достиг 423 млн. рублей, доход от животноводства остался на прежнем уровне. Колхозы вообще не уделяли внимания животноводству, и в 1929 году обществу имели всего 1,2% скота.

Так сейчас.

В конце пятилетки колхозы должны дать 1,665 тонн товарного мяса.

Возможно это или нет? Там, где колхозы смотрят на животноводство не как на второстепенное дело, там результаты удивительные. Уральская коммуна «Свободный Сибиряк» за последние время добилась роста молочного стада на 240%. В коммуне «Социализм» (Сибирь, Каменский округ) лучшие коровы дают годовой удой в 2314 кг при нормальном улоде сред-

них коров в 14 центов, в крестьянских деревнях не дает бы прибыли колхоз рублей в год. Эти Колхозы бастовали не только количеством скота, но и качеством. Что мешает в колхозах? Плохой родовой улод, качество скота, истощение и — скотоводов, агрономов, зоотехников, ветеринаров.

Опыт замкнутого пункта с узким местом, на который комсомо-

— Мы, как же бедствие пришло.

ФРОНТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Рис. В. ЛЮЩИНА

части нашего объединения связаны круговой помощью. Такие же животноводческие массивы образовались вокруг всех кормовых баз государства: сахарных заводов, крахмально-паточных, маслобояных. Тот, кто имеет выскочку корма или способен наладить хранение корма, тот дрижирует всем округом, поуждав его перейти к более выгодному животноводству...

— Мы подходим к заводу. Вернее, это несколько заводов. Дело в том, что выращиванием и откормом скота занят и совхоз и колхозы в своих стадах, но дальнейшая обработка падает почти исключительно на долю совхоза.

— Что значит «квашенная обработка»? — В крупных районах потребления мы поставаем 75% мяса в охлажденном и замороженном виде. Прекрасно расточительство, связанное с перевозками животного скота и употреблением исключительно парного мяса. Для того, чтобы добиться этого, нам пришлось построить бойню с использованием всех отходов, кожевенный завод, холодильники и консервную фабрику. Все эти предприятия, не считая маслобойни и сыроварни, обслуживают весь наш животноводческий район. Есть и колхозная фабрика. Без нее пятитысячная страна должна была производить 750 млн. банок мясных консервов и 400 тысяч тонн колбасы. Вы знаете, что эти задания выполнены с превышением.

— Осмотр всего комбината «Пятилетки» занял почти целый день. Мы увидели, что скотные дворы построены не на седе, а в центре полевых участков. Это не только гигиенично, но и выгодно. Отпала необходимость возить корм и далеко вывозить навоз. Экономия на одном этом до 20 руб. в год на голову скота. Мы узнали, что век карликовых хозяйств безвозвратно прошел, так как для молочной фермы рентабельно иметь не меньше пятисот голов скота. Мы узнали, что в этом районе скот только откармливается на хороших урожаях кукурузы и на отходах с сахарных заводов, а выращивается скот на Северном Кавказе, и оттуда уже доставляется в совхозы и колхозы.

Между прочим, только в конце пятилетки животноводческие хозяйства начали строить кирпичные, каменные скотные дворы и фундаментальные силовские бани. До этих пор они подвозились временными тесовыми постройками, строительство которых в 10 раз дешевле, чем возведение каменных сооружений, и позволяло начать дело при минимальных затратах.

— Страна в области животноводства переживает хозяйственную революцию. Каким смешным казалось то время, когда совхозы Зернотреста покупали молочные и мясные продукты у крестьян. Теперь всуду, где была корова, был и скот, и скоту было не плохо. Ведь в крупных совхозах при севообороте получаются громадные количества корма...

В ближайшие годы мы должны получить много говядины, много молочных продуктов. Есть возможность получить жиры и мяса и в более короткой срок.

— Речь идет о свинье, которой мы умудренно не уделяли раньше. Свинья—скороспелка, и для того, чтобы свинья показала полностью все свои драгоценные качества, надо перестать смотреть на нее только как на «копьяку жира».

— Этот взгляд удержался от тех селхм времен, когда плохие пути сообщения делали выгодным скрамивание сильных больших количества дорогого корма. Свинья заживала на радость хозяевам 2—3 года. Безобразно жирела и наращивала четырешершеровый слой сала, при чем получалось так, что на единицу весавого прироста уходило 10 кормовых единиц.

— Это—разорительство. Гораздо выгоднее кормить свинью, предназначенную на убой, всего до семи-восьми месяцев, так как при этом условии расходуются всего 4 единицы зерна на единицу прироста. Свинья не будет чрезмерно съальной, но при хорошем племени она достигнет веса в центнер и представит прекрасную материю для беконного завода.

— За самое короткое время свинья дает наибольшее количество мяса и жира. Полуочередной оспу наступает в течение года. Выращивание плода продолжается всего 4 месяца.

— В текущем году совхозы должны открыть 1,4 млн. свиней, в 18 тысяч крестьянских обществственных свиннарках должно быть до 1 млн. маток. В совхозах и колхозах организуется 26 крупных свиных заводов и 212 репродукторов, которые должны выпустить до 14 000 голов улучшенных свиней. Наркозием решено построить 105 откормочных баз по 1 000 голов в каждой и т. д. Ясно, что при таком размахе надо сделать специальные курсы для подготовки свиноводов неотъемлемой частью вузов, а также учебного свиновода окружить почетом. Иначе и здесь над подкачет бескультурье, отсутствие людей.

— Свинья—это прекрасная штука, а бекоп—штука пробоноводная. Он поможет нам провести реконструкцию животноводства в более спокойных условиях.

е, в то время как хозяйства округа ко-е 1 000 кв. Чистой корова дала 11 примеров тысячелетичное хозяйство, но и при-ам, где скот окру-

животноводства в скотные дворы. Ста-такие племенные отствие культурных основ—нет зоотех-контроль-ассистен-

торое наиболее уз-зательства. Слова то-орое должен дви-

оплади на новые... Какие страные

Наш провожатый—молодой животно-вод—смеется: — Это? Нет, это—силовские бани.

В нашем совхозе введено сиклование корма. 2 220 крупных силовских устано-вок, 10 000 средних и малых и 85 000 силовских улучшенных ям, разбросан-ных по всей стране, дают возможность снабжать скот сочными кормами, сох-ранять такой корм, который раньше пропадал без пользы, предотвращать бескормицу. А вот—магазины с запасом сухого корма. Засуха нам вообще не страшна.

— Хорошо, но это касается, конечно, совхоза. А что вокруг него? Как обстоит дело с крестьянским скотом?

— Совхоз стал центром пяти мощ-ных колхозов, в которых полеводче-ское хозяйство постепенно вытесняет-ся животноводством или существует на равных с ним правах. Создался как-бы единый организм, строящий свое хозяйство по общему плану. Все ча-

Рассказ Льюис Бромфялд

Рис. И. РАБИЧЕВА

ТОНЧАПШЕ плинник плавая в длинных лучах солнца, плавших в мрачный зал суда. Судья откинулся—худой человек с сухим лицом, движения которого напоминали автомат.

— Уголовное дело Майкеа Руни! Шарканье ног и шопот среди публики прекратились. Писец начал рыться в пыльных бумагах. Он тоже казался пыльным и высохшим. Обвинитель, красивый, изысканный молодой человек, сидел у своего стола и, вода карандашем, читал обвинительный акт. Ему явно это не нравилось. Он чувствовал себя уставым и нисколько не был заинтересован в том, чтобы посадить Майкеа Руни в тюрьму.

У наших ног — двенадцать «любимых и честных» присяжных — сидел обвиняемый Майкеа Руни и его защитник.

— Господа присяжные,—продолжал судья бесшумным голосом,— Майкеа Руни обвиняется в ограблении. Дело это не потребует много времени. Оно очень просто. Доказательства очевидны. Обвиняемый Майкеа Руни принял участие в ограблении Патрика Лова ночью двадцать четвертого июня.—Судья, как бы вспоминая что-то давно забытое, зашептал бумагами, лежащими перед ним.—Его имя связано с именем некоего Вилли Фаллона, который уже осужден по этому делу.

Послаившая первое шарканье ног. Обвинитель нехотя встал и обратился к присяжным.

Знаем ли мы его и адвоката, выступающего в защиту обвиняемого? Есть ли среди нас такие, которые предрешены против него или против обвиняемого и его адвоката? Понимаем ли мы, что обвинительный акт еще не есть доказательства, что обвиняемый виновен? Нам предоставляется минута для ответа, если бы мы нашли нужным что-нибудь сказать.

Пущенная машина заработала полным ходом. Я проверял себя. Да, у меня было предрешение против защитника. Я это чувствовал, хотя и не мог объяснить этого судья. Я никогда не видел его раньше. Был, наверное, и еще такие среди присяжных, которые чувствовали то же, что и я. Адвокат этот внушил отвращение. Он сидел на своем месте, как жаба, как пресмыкающееся, выполовшее из-под камня, раскис-покорный, с масляным взглядом, но с выражением величия на лице. Он впадал сомнительное существование, выступая по назначению в качестве защитника тех несчастных, кто не имел возможности вать юриста. Сидя на возвышении, как коршун, он ждал, когда судья бросит ему кость. Мерзкое существо, не внушающее к себе ничего, кроме презрения. Настоящий транзитный адвокат.

Понимаем ли мы, что обвинительный акт еще не есть доказательства, что обвиняемый виновен? Что это просто средство для обвинения?

Я понимал это. Остальные одиннадцать присяжных, несомненно, тоже понимали. И тем не менее, какой-то внутренний голос говорил мне: «Тут что-то есть. Присяжные хоть сколько-нибудь должны верить в обвинительный акт; обвинение не может быть предвзято без всякого повода». Я пытался подвинуть в себе это голос, но—напрасно. Сомнение продолжало мучить меня.

Рядом со мной на скамьях присяжных сидели одиннадцать человек. Это были люди, наполненные предубеждениями, классовой ненавистью, пороками. Некоторые из них по складу ума мало чем отличались от детей. Для них этот внутренний, чуть слышимый голос превращался в громкий, убедительный крик.

Защитник в свою очередь предлагал тот же ряд вопросов. И опять — небольшая пауза для ответа. Были судья и противны эти ненужные жесты.

Машина работала. Шелестел бумаги. Совещались. Я перевел взгляд на обвиняемого Майкеа Руни.

Он сидел спокойно, держа кепи в руках и устремив взгляд на клочок бумаги, лежащий на столе перед ним. Это был обыкновенный молодой человек, как миллионы других. На нем был дешевый поношенный синий пиджак с единственной пуговицей поверх тонкой ткани. Волосы темно-рыжие, густые, в колдобы. Руки большие и крепкие — руки рабочего, привыкшего к тяжелой работе. В нем не было ничего необыкновенного, если не считать широких плеч и некоторой развязности в манерах.

Он вруг водная голову и посмотрел

мне прямо в глаза, и тут я увидел, что он был не совсем обыкновенным человеком. Он не был похож на миллионы других. В чем было отличие? Неужели в этом холодном беззаботном огишке в его ирландских голубых глазах? Или в слегка заостренных кончиках носа? Или в этой едва уловимой развязности? Была в нем какая-то искра — нечто такое, чем обладают немногие, и чего не было ни у кого из находившихся в этом зале. Кто может сказать, что это было? Что отличало его от других? Особый дар, пламенность души, любовь к жизни, классовая честность, которых нам всем не хватает.

Под судой шелест бумаг машина продолжала работать. — Обстоятельства дела очень простые,—начала обвинитель.— Ночью двадцать четвертого июня полисем заметил, как обвиняемый Майкеа Руни вместе с другим обвиняемым Вилли Фаллоном и неким Патриком Ловом, который, повидимому, был сильно пьян, вошли в подъезд одного дома. Спусти минуту обвиняемый Майкеа Руни вышел из подъезда на улицу и осторожно осмотрелся вокруг. Тогда полисем, переодетый ученик, вправившись в тот же подъезд, он увидел, что другой обвиняемый, Вилли Фаллон, шарит в карманах брью Патрика Лова. Вилли Фаллон сразу вытащил руку; два четвертака упало на пол. Обвиняемый Майкеа Руни, как утверждает полисем, стоял тут же рядом. По мере хода дела вы услышите показания свидетелей.

Истен Патрик Лов занял место перед судьей. Это был человек лет сорока, готий, нерешительный, с раздутой физиономией; он сидел, держа руки между ног и имея вид испуганного шимпанзе. Он говорил с ужасным акцентом и не понимал самых простых вопросов. Процедура суда пукала его. Вопросы приходилось задавать по несколько раз.

Он является пернорабочим. В Нью-Йорк приехал неделю пять назад. До того времени он работал в Сан-Луи. Никогда не отказывался ни от какой работы. Часто был штрейкбрехером. В день ограбления он был в Кельтском парке, сидел за футбольным мячом. Был очень пьян. В семь вечера направился в район Деистой авеню и Сорак деютой улицы на танцевальный вечер. Но попасть ему туда не удалось. По дороге он забрал в бар, чтобы выпить еще. Сколько он выпил здесь, не помнит. Получил ли он прилично славу? Также не помнит. Он не помнит ничего, кроме того, что выйдя из бара, он побрел по Деистой авеню. В кармане у него, по моему мнению, было долларов семнадцать. Точно он не уверен, но помнит, что в течение дня ему пришлось разменять двадцатидолларную бумажку. Знает ли он обвиняемого Майкеа Руни? Нет. Встречал ли его раньше? Нет. Видел ли его в тот вечер, когда был ограблен? Может быть. Точно не может сказать. Он ничего не помнит. Был пьян.

Я опять взглянул на обвиняемого Майкеа Руни. Знал ли он истца? Принимал ли он участие в ограблении? Кто мог сказать? В его лице не было ни малейшей черточки, по которой можно было бы докопаться до истины. Он сидел спокойно, следя за солнечным пятном на столе, медленно удалявшимся. Его широкие плечи возвышались гордо, бросая вызов судейской машине.

Полисем Ремдонд знал свидетельское место. Краснорозий, с вихром волос над лбом, как гребень боевого петуха. Валеруый твехру нос. Голубые глаза. Неуклюжий и не совсем уверенный в себе, но явно стремившийся сделать себе имя. Когда-нибудь—когда-нибудь он будет занимать пост начальника полиции. Он рассказав, как было дело.

Он вышел в карманах обвиняемого Руни и обвиняемого Фаллона всего один доллар и шестидесят пять центов. Это все, что у них было. Нет, больше этой суммы они не могли взять у истца Патрика Лова. Да, он уверен, что это были именно обвиняемый Руни и обвиняемый Фаллон. Он видел, как они вошли в подъезд вместе с истцом Патриком Ловом. Да, были еще и другие люди, стоявшие у подъезда—три или четыре человека. Да, он уверен, что обвиняемый Руни причастен к краже. Он не зря стоял у подъезда. Время? Было десять минут третьего.

— Стоя на другой стороне улицы, я взглянул на часы как раз в ту минуту, когда

Адвокат взглянул отвращение

трое мужчин скрылись в подезде, — закончил полисмен Реймонд.

Было видно по нему, что он доволен своим показанием. Все было в порядке, без прорех, как и должно быть показание полисмена, мечтающего со временем занять пост начальника полиции. Дело Майкела Руни может оказаться еще одной ступенью на пути к повышению.

Будучи заинтересован еще в чем-то, помимо простого словоизвержения, и опять перевод свой взгляд на Майкела Руни. Он уже забыл о солнечном пятнышке; оно ушло от него и скользнуло теперь по пыльному полу. Он смело смотрел в лицо полисмену Реймонду. Огонек в его голубых глазах irradiated горел теперь ярче. Пыль поднималась еще более вызывающе. Совсем необычная поза для обвиняемого. Ни малейшего намека на малодушие. Он был похож на леопарда, запертого в клетку. Он один не чувствовал никакого уважения к этой громоздкой судебной машине.

Но машина, поскрипывая, катилась дальше. Обвиняемый Майкел Руни занял место перед судьей. Положив руку на библию, он дал клятву, которую дают все свидетели и многие нарушители, поскольку все не могут говорить правду. Он сел, все еще вертя кепи в руках. Огонек попрежнему горел в его глазах. Затем на минуту потух и опять вспыхнул. Он не стал раболопствовать; его плечи не согнулись трусливо. Его уши заострились еще больше, рыжие волосы влохматились. Его можно было ненавидеть и вместе с тем завидовать ему за эту вызывающую беззаботность. Ненависть и зависть, казалось, носились в самом воздухе пыльного судебного зала.

Да, он был арестован на углу Девятой авеню и Сорок девятой улицы. Он шел домой. Возвращался с танцовального вечера с девушкой, которую хотел проводить домой, и когда повернул за угол, полисмен арестовал его. Живет он с сестрой и зятем. Он не имеет никакого отношения к ограблению Патрика Лова. Другого обвиняемого, Видли Фаллона, совершенно не знает. Да, он живет с ним в одном квартале. Он живет в этом квартале целых пять лет. Но он не знает Фаллона, никогда не встречал его до того момента, когда они были вместе арестованы. А девушка? Он не знает ее имени. Пусть называют ее Нелли Рэнд, если так угодно. Он не желает тягивать ее в эту грязную историю. Где она теперь? Он не знает. Она во всяком случае не могла бы ничего сказать. Она не имеет к этому делу никакого отношения.

Обвиняемый Майкел Руни крепко держится

Он сидел, держа кепи в руках...

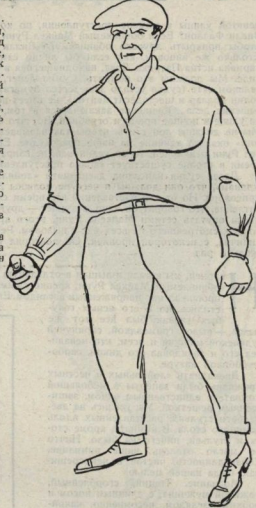

своего показания. Он не был в подезде. Он не принимал участия в ограблении Патрика Лова. Он не знаком с обвиняемым Видли Фаллоном.

Судейская машина, наклонившись с ним и покатавшись дальше. Он сошел с возвышения и сел рядом со своим адвокатом — жа бо й. Опять пауза. Опять шестел бумаж.

Другой обвиняемый Видли Фаллон занял место перед судьей. Он тоже, как истел Патрик Лов, полисмен Реймонд и обвиняемый Майкел Руни, поклялся на библию, что будет говорить правду. На нем брюки цвета хаки и синяя блуза, открытая на груди. Влохматенные каштановые волосы. Голубые глаза, сияющие близко друг к другу. Какую неуверенность в себе.

Да, он был не угду в ту ночь, когда его арестовали. Он

Его плечи не согнулись трусливо...

поднял на ноги Патрика Лова, лежавшего в грязи на мостовой, и втащил его на тротуар. Пьяный не мог держаться на ногах, и потому он повес его в подезде и усадил на нижнюю ступеньку. Он (Видли Фаллон) тоже был пьян и не помнит всего ясно, но хорошо помнит, что ему пришлось расстегнуть воротник Патрику Лову. Не помнит, что бы он лаял к истлу в карман. Возможно, что это было, если так утверждает полисмен. Обвиняемого Майкела Руни он не знает. Никогда не видел его до момента ареста. В одном квартале с ним он живет всего один месяц. Две недели уже как он без работы. Он почти все время без работы с тех пор, как бросил службу в армии. Почему опять не хочет вступить в армию? К чорту е! Ничто не заставит его опять поступить на военную службу! Огонек ненависти баснуя в его глазах.

Судья поспешил прервать его:

— Довольно, обвиняемый Фаллон!

Видли Фаллон, тяжело передвигая ноги, сопровождаемый вооруженным стражем, прошел на свое место за решеткой.

Майкел Руни сидит на своей скамье, крепко сжимая в руках кепи. Он опять смотрит на клочок бумаги, но солнечное пятно уже давно исчезло...

Еще один свидетель. Джованни Сарди, кузнец. Свидетель, который должен характеризовать Майкела Руни, как работника и человека.

Джованни Сарди говорит, что обвиняемый Майкел Руни работал у него в качестве подручного. Четыре года назад (Четыре года — длинный срок, и его показание кажется unbelievable). Четыре года назад. Да. Славный парень... Хороший работник... Все любил его. Веселый, всегда любил пошутить. Для девиц — плохой человек... «бузнец» в курортном костюме улыбается кривой улыбкой, записывается и исчезает.

Опять пауза. Шелест бумаг. Напряженность и духота в зале. Обвинитель и защитник отказались поводить итоги. Дело и так ясно. Нет нужды переконывать подробности. Пора кончать. Судья обращается к двенадцати «любимым и честным гражданам». Задачей суда является, говорит он, доказать виновность или виновность Майкела Руни. Нашим судопроизводством установлено, что человек невиновен, пока не будет доказана его виновность. Мы должны помнить это. Обвинительный акт еще не может служить указанием на то, что обвиняемый виновен. Перед нами стоит задача отыскать истину. Является ли доказанным, что обвиняемый Майкел Руни был на углу Девятой авеню и Сорок

девятой улицы в момент преступления, по которому уже осужден Вилли Фаллон? Если обвиняемый Майкек Руин выходил из подъезда, чтобы прикрыть другого обвиняемого Вилли Фаллона, то он настолько же виноват, если бы лично сам вытаскил деньги из кармана жеста Патрика Лова, находившегося в то время в нетрезвом виде. Мы должны это помнить. Сумма денег, указанная в обвинительном акте (судья устало зашептал бумагами—он забыл цифру), «один доллар и шестьдесят центов», не имеет никакого значения для решения дела. Обвинение заключается в том, что на истада напали на улице в ночное время и ограбили. Вот что очень важно помнить! Мы не должны допустить, чтобы так называемая «волна преступлений» оказала влияние на наше правосудие. Если обвиняемый Майкек Руин невиновен, то он невиновен, не смотря на то, что в данное время в стране существует «волна преступлений».

Далее судья напомнил двенадцати «злойным и честным гражданам», что они должны и чего не должны делать при вынесении приговора. Но от его наставлений еще время создавалось такое впечатление, что говорит он одно, а думает—другое. Казалось, он стремится опутать сетями Майкека Руин, этого красивого, смелого рабочего, смотревшего на всех нас с вызовом. Речь судьи была легка цинична, с некоторой иронией. Он повторял одно и то же по несколько раз.

Накопец, мы встали и вышли в отдельную комнату. Я видел, как обвиняемый Майкек Руин, крепко сжимая в руках свое кепи, пронесла над напряженным взглядом. Его плечи немного опустились, но в его ясных голубых глазах был все тот же вызов,—вызов громоздкой, скрипящей судейской машине и всем, кто ненавидел его и завидовал его дикой, свободной натуре.

Двенадцать «злойных и честных граждан» были заперты в небольшой комнате с единственным окном, защищенным решеткой. Мы усаживались на двенадцати стульях, расставленных вдоль длинного стола. В комнате, кроме стола и стульев, ничего не было. Ничто не могло отвлечь наше внимание. Справедливость, чистая и непогрешимая, была нашей целью.

Молчанье. Тонким, сгорбленным, пожилым мужчиной с длинным носом и робким взглядом, несомненно, какой-нибудь клерк, услужливо откатился.

— Ну, поспешим. Мы ждем дела. Первый раз за десять лет я ушел из конторы в служебные часы.

— Начнем с голосования,—предложил я. Председатель встал,—добродушный толстяк, с глазами на выкате, с цыплячьим умом.

— Джентльмены,—сказал он,—разрешите узнать, каково ваше отношение к этому делу?

Голоса разделились поровну: шесть—за обвинение, шесть—за оправдание. Я с пятью другими продолжал сидеть.

Один из вставших, огромный мужчина с бычьей шеей, в клетчатом костюме, посмотрел на меня злобым взглядом, как будто я был обвиняемый, которого предстояло осудить.

— Парень этот виноват, как сам черт!—закричал он.—Вы обратили внимание, как он возмущался, когда давал показания? И ни разу не мог взглянуть прямо в глаза! (Удивительно, как человек способен верить в то, во что ему хочется верить!)

Его сменял другой. Маленький, но важный на вид человек, с пухлыми щеками и бегающими глазками. Крупный собственник, имевший фабрику готового платья.

— Долг обязывает нас, джентльмены, действовать так, чтобы ограбить общество от подобных негодней. Трудно сыскать человека с более мягким сердцем, чем у меня. Но если мы отступим на свободу этого мерзавца, то последуют новые налеты и грабежи.

Я начал протестовать. Наломинд, как судья советовал нам быть справедливыми и беспристрастными.

Один из сидящих—старый толстяк—поддержал меня:

— Этому парню предьявлено серьезное обвинение—в воровстве, подлежащее наказанию по первому разряду. Его могут запереть на несколько лет в тюрьму.

— Так и надо!—воскликнул верзлага в клетчатом костюме.—Ему нужно дать самую высшую меру, какую только можно!

— Проголосуем еще раз,—предложил председатель.

На этот раз за столом осталось сидеть только двое,—старый толстяк и я.

— Нет никаких доказательств виновности,—упорствовал я.—Нельзя же осуждать человека по одному показанию полицмена.

Верзлага с бычьей шеей дико набросился на меня.

— Да у вас есть голова на плечах или нет?—заявил он.—Тут все ясно!

— Вы слышали,—подхватил другой,—как его товарищи, Фаллон, отказались об аринго? Нечего сказать,—хорош парень! Никакого патриотизма! Никакого сотрудничества классов! И все они такте!

Опять монотонный голос председателя:

— Джентльмены, давайте проголосуем еще!

На этот раз мой толстый приятель изменил мне.

Фабрикант готового платья вздохнул с облегчением:

— Великолепно, джентльмены! Поздравляю! Мы выполнили свой долг. Если бы побольше таких граждан, как мы, наша страна благоденствовала бы.

Маленький робкий человек посмотрел на часы.

— Это заняло у нас всего десять минут,—сказал он.—Судье может не понравиться такое быстрое решение. Может быть, нам просто поспешит здесь немного?

— Конечно,—заметил добродушный толстяк.—Давайте покурим, а потом уже пойдем в зал...

Пер. с англ. П. Охрименко

КРАСНАЯ АРМИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАГОВОР

Д. Заславский

Рис. И. РАБИЧЕВА

Чуть ли не ежедневно, на каждом заседании английской палаты общин, со скандинавскими интонациями поднимается то один, то другой джентльмен и задает правительству приблизительно один и тот же вопрос: какие меры правительство собирается предпринять против советской пропаганды и не собирается ли обратиться к возобновлению англо-советских отношений?

В верхней палате английского парламента, в палате лордов, большинство высказалось против нового признания СССР. Это решение оказалось пустым выстрелом, потому что решения палаты лордов для правительства не обязательны, но началась и за этой почве новая кампания против СССР.

Тенное крыло «Рабочей партии» брало начало, но этим и ограничилось, а самому правительству Макдональда все эти скучные запросы не доставляли ни малейшего огорчения. Видно было, что протрещивается комедия по общему уговору. Настоящие хозяева английского государства, крупная буржуазия, прикрываются на приказника, временно поставленного в власти: «поглядывая за коммунистами», а приказчик смирно и покорно отвечает: «Смотрю, видите, благородней! Не извольте беспокоиться!».

Крупная буржуазия в лице консерваторов разорвала отношения с Советским Союзом, а мелкая буржуазия в лице Макдональда, Гендерсона и других эльзбиристов («Рабочей» партии) пошла на возобновление отношений только под сильнейшим давлением рабочего класса. Если бы на месте покорных приказчиков капитала было подлинное рабочее правительство, то оно не выслушивало бы стаза бы господ с консервативных скамеек, а посадило бы этих господ на скамью подсудимых, как организаторов крупнейшей империалистической войны, войны, которую готовили новую кровавую войну, новое вооруженное вмешательство в советские дела, новую интервенцию с поддержкой русских белогвардейцев.

Среди этих заговорщиков — Хикс — это прежде всего преступники, нормы, подделыватели документов и советских червонов. Расследование государственных архивов Англии и опубликование всех документов о разрыве и о налете на Аркос раскрыло бы картину подлейшего преступления. Конечно, никогда не решится на это так называемое «рабочее правительство», которое является только агентурой английского капитала. Ошибочно было бы видеть в настоящих выступлениях английских консерваторов только чудачества лордов и милордов, только озорство отогнанных фанштов. Их смешные и глупые выступления — это систематический шантаж, настоячная и упорная антисоветская пропаганда, имеющая целью идею, общественную, моральную подготовку антисоветских тайных планов. Среди этих заговорщиков — банкиры, ювелиры, виднейшие капиталисты, банкиры, журналисты. Они действуют в глубочайшей тайне, но всем правдам конспирации, и только случайно удавалось вскрыть то или иной уголок их работ.

Скамья подсудимых в берлинском деле подделывателей советских червонов прикрывает непосредственно и конспиративным сканьям в англйском парламенте. Дело о грузинском проходе Каруизде — это фактически и дело об англйском министерстве иностранных дел времени Болдуина и Чемберлена. Другой грузинский фальшивомонетчик Салатерашвили — это фактически сообщник и агент английского министра внутренних дел Джойнсона Хикса. И над всей этой компанией, как вихоростень, как финансовый покровитель, стоит негной магнат, заказчик враг СССР, Деттердинг.

То, что уже разоблачено на берлинском процессе, разоблачено только урывками, до крайности неполно, разоблачено вопреки суду, — рисует яркую картину международ-

ного капиталистического заговора против СССР. Только в свете берлинского процесса раскрываются во всей своей полноте налет на Аркос и разрыв англо-советских отношений.

Фигуры жалких негодней-грузин отходят на второй, даже на десятый план. Подлеца советских червонов — это лишь небольшая деталь в грандиозной картине. Буржуазный суд освещает только эту деталь, тщательно припрятывая все, что выходит за грани этой освещенной полосы. Но из тени сами собой вырисовываются фигуры. В подготовке различит совещания капиталистов в Париже под председательством самого Нобеля, некогда некоронованного повелителя Баку. Ему протигивает руку через канал из Лондона Деттердинг. И тут же немецкий генерал Гофман, смертью своей спасший от соседства с грузинским эмигрантским жульем на общей скамье подсудимых.

Генерал Гофман давно известен тем, что он настоятельно предлагал правительствам империалистических держав свой план похода против СССР, — предлагал не только план, а и свои услуги, как вождь германских фашистских дружин. Это было известно, этого не скрывал даже сам Гофман. Но впервые стало известным, что планы Гофмана рассматривались в германском военном министерстве одним из ближайших помощников нынешнего германского министра Гренера, генерала Кресс-фон-Крессенштейна; эти планы служили предметом обсуждения в весьма секретных, но и весьма авторитетных учреждениях.

Когда газета коммюни «Роте Фане» разоблачила документы об этом, оглашенные в закрытом заседании суда, то буржуазная печать поддала крик о «государственной измене», подтверждая тем самым, что генерал был промаком в дело чести и чести, в телем частных походов на Советский Союз.

Известно было и раньше, что генерал Гофман ездил со своими проектами в Лондон, что он там совещался с видными военными специалистами, с английскими военными консулами с Деттердингом. Имя Джойнсона Хикса уже было упомянуто в берлинском суде, и коммунистическая печать за границей в упор поставила этот вопрос: в каких отношениях был английский министр внутренних дел с германскими заговорщиками? Джойнсон Хикс, сидя на скамье депутатов в парламенте, а не на скамье подсудимых в суде, может, конечно, отомочиться или отворчать. Но не подлежит сомнению, что заговорщическая каша варилась и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне с ведома и благословения английских министров. И в таком случае полностью осуществляется история налета на Аркос и разрыва дипломатических отношений.

Это было начало осуществления широко и далеко задуманного плана интервенции. Если бы разоблачение Вельде, Кресса, предполагало, разорвет с Советским Союзом и другие государства, Советский Союз будет политически изолирован, будет создано враждебное к нему отношение, а затем через Персию или другие восточные страны будут начаты и прямые военные действия, план которых был уже разработан генералом Гофманом с ведома генерала Кресса.

Такова была система новой интервенции. В ней ясно видна и роль главных империалистических систем, и роль мелких ступиц — это фактически и содержание в роде Каруизде, Салатерашвили и пр. И вот эта система провалилась, разбилась вдребезги, развалился прежде всего и выдержку советской власти, которая не поддавалась на провокацию и сохранила полное спокойствие вопреки ожиданиям провокаторов; развалился о солидарность международного пролетариата, передовые части которого поняли, какая опасность угрожает Со-

Рис. 6

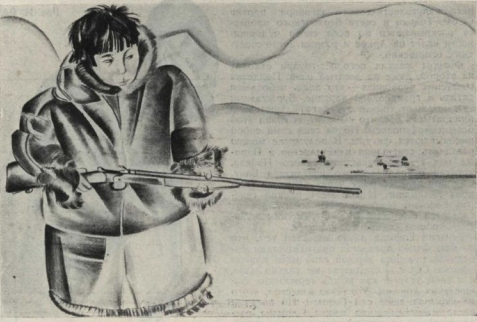
ветскому Союзу, и не поддаваясь антисоветской ожесточенной пропаганде; развалился о противоречия внутри самих же империалистов, которые не спешили следовать примеру Англии и не разорвали отношений с Советским Союзом по указке из Лондона.

Генерал Гофман помер, так и не дождавшись осуществления своей мечты, а грузинское эмигрантское жулье осталось с запахом фальшивых червонов в руках. Они были заготовлены на случай похода для подорыва советской валюты и не могли быть использованы полностью. Из всей бастежничей компании, собиравшейся размах в Европе новую войну, на скамью подсудимых попали только «стрелочники», только мелкие исполнители. Главные виновники не только драструют благополучно, но продолжают свою провокаторскую работу, склеивают разбившуюся систему, латают ее новыми пластами и с неизменной наглостью задают вопросы «рабочему» правительству, принимают ли они меры против антисоветской пропаганды.

Нет, это не чудачества лордов и не озорство фанштов. Это продолжение в естой же провокаторской игры, к которой один раз сорвалась, но которая опытные политические шулера ведут вновь.

В ОВ СТОЛИЦЕ НОВОЙ ЗЕМЛИ

Очерк и зарисовки В. Беляева

Мальевский охотник

— Отдать якорь! — распорядится капитан. «Снобиров» в Белушью губе.

Становище Белушья губа или в шутку «Ново-Земельск» — новая «столица» островов (прежняя — Малые Кармакулы) — основан в 1897 году. Здесь резиденция островного совета и заведывающего базой Госторга на буро-красноцветных пшениных горах стоят коренные «дворцы» столицы: школа, база, больница, дом председателя островного совета, дом промышленников. Это наверху, над береговыми обрывами. Поодаль — небольшая банька. Несколько севернее этого центра, по берегу — две избушки промышленников-самоедов и на последующих 2 километра — еще две. Под центром, «у самых вод» — склад базы Госторга: амбарушечка (склад в отставке), сруб нового жилого дома, рабочие сани, несколько лодок, карбасов, мотор — и вся столица!

Мы привезли сюда годовой запас продовольствия, топлива. Началась разгрузка.

В становище заканчиваются ремонты, доделываются пристройки, перетаскиваются годовые запасы с карбасов, опустошающих судно, в склад базы. Все идет исправно. Команда лодкодела выгружает продукты в карбасы, артель грузчиков — с карбасов на берег и самоеды с берега перетаскивают к соседней пристани — в склад. Как общее правило, теперь во время разгрузок в становища водку самоедам не выдают: горьким опытом, но научиться пришлось: ничего иначе не получается: все самоеды перепиваются, опохмеливаются и... начинают, как в сказке про белого бычка, вонять.

Самоедские ребятишки, поживаясь и вынув руки из рукавов, неуклюже и мало-подвижно наблюдают. Пустые рукава (руки прижаты к телу) делают их особенно беспомощными: точно птицы или мелюзга с этнографическими крыльями или манекены из этнографического музея! Но общительность и отсутствие застенчивости — отличительные их свойства от самоедов, скажем, колгуэвских. Новоземельцы не убегают от «русского», не прячутся, не замыкаются и почти с приветливой доверчивостью отвечают на вопросы. А после 2—3 фраз совсем прекращают и на миги на смущение, и застенчивость.

Чумов на Новой Земле уже нет. Самоеды живут в русском образе избушек: сени для собак, уборная, опять сени для собак, кухня с русской печью и еще одна-две комнаты с нарами или просто оленьими шкура-

ми-постельями. В каждой комнате по стому (живут по 2—3 семейства в одном доме), по несколько примитивнейших скамеек (доска с 2 парами ножек-подставок). На стенах — оружие, арканы, полотно, шкуры. На столах — сырое мясо, посуда. Попадаются часы, будильники, подзорные трубы для промыслов, даже фотоаппарат и... джемпир! Для посуды бывают и простенькие ложки. Кое у кого имеются и шафры. Бывают здесь и самовар, и чайная посуда, и русские чашки, и нормально выпеченный хлеб. Здесь же свит и прогуливаются... собаки.

Мужчина — на работе по разгрузке. Женщины занимаются пошивкой и починкой своего оленьего гардероба, который здесь, не в пример Колгуэву, беден: там свои оленя, а здесь довольствоваться приходится 4—8 шкурами на семью на весь год — то, что дает Госторг. Поэтому одежда (малыца и палица — мужское и женское верхнее платье) не блещет здесь новизной и яркостью расцветки. «Малыца» и «палица» замусолены, продрана и скрючена. Правда, у большинства есть и «входная» одежда.

Грязь, говоря по совести, в избах вопиющая. О скребках, мыле и тряпках понятия весьма отдаленные. Не отстают от квартир

и тела самих самоедов: ходят и спят в одном и том же (в большинстве случаев) — Нателные бельишки имеют далеко не все, в баню предпочитают не ходить. Мыло, однако, в обиходе есть. Стирка белья, хоть и с сморковской затеянностью, но все же происходит.

Лентяйство самоеды большие охотники. В больнине, существующую всего второго год, идут с радостной готовностью. Фельдшерице верит, как весенней народке. Самоед проглотит порохом, выпьет жидкость, даст себя втереть с удовольствием и детской надеждой. Всякое, самое даже пу-

Возвратившийся из арктического плавания по островам Северного Ледовитого океана (Колгуев, Вайгач, Южный и Северный острова Новой Земли) сотрудник журнала «Смена», Василий Беляев, ниже дает один из своих новоземельских очерков.

В качестве прилесья несколько строк общих замечаний о Новой Земле. Площадь острова равняется 90.000 кв. км (1.000 км × 90 км). На нем большое ороное плато до 500 м высоты. Обильные горы северным поднимаются до 4.000 метров. К северу от 75° Новая Земля, как и Гренландия, покрыта сплошь материковым ледом, доходящим своим мощью до 200 метров.

Открытие Новой Земли русскими промышленниками-поморами в XI веке. Колонизация острова постоянным, оседлым населением началась в 1877 году. Акклиматизировались здесь сразу только самоеды. На русских промышленников многие погибли от думети. В настоящее время здесь живет 219 человек (самоедов и русских).

стижное недомогание или признаки заболевания немедленно дают самоеду повод идти в больницу. Лечь в больницу на койку (в стационар) — высшее благо. Дети не отстают от взрослых.

Истинным бичом новоземельцев является цанга — дочь полных ног (когда человек залегает в спячку), результат отсутствия овощей и недостатка в свежем мясе. Этим и объясняется употребление сырого мяса и оленьей крови. Это — протинионитная профилактика.

С религиозной обостран так:

Церковь переоборудована под школу и школьный интернат. Ни от своей, ни от чужой религии не осталось заметных следов, кроме двух кладбищ с крестами и христианскими надписями. Нигде на Новой Земле не услышишь ни «святых тридцать» (господи, помилуй), ни «нум да» (подай, господи). «Я сам себя милою, сам себя кормлю...» — говорят самоеды. Самому мне наблюдать не приходилось, но скептики (где их нет?) утверждают, что самоед очень легко и просто отнесся только к гибели «русского бога». «Ну, сто с, пусть русский прогнал своего бога. Русского бога нет — есть самоедский, и, якобы, самоеды, сбросив шкуру христианского налета, остались при своем сокровенном — вновь обратились к язычеству и тайно, не устранив капища, дома отравляют следующие ритуалы. Самоед не лишен сарказма и хитрости, но все же на мои вопросы о веро славянона неизменно: «нет, не верю. Таинство, т.е. шаманов... это

Олень

На спасение Эвэлсона

Бор. Громов

достоверно — Новая Земля не имеет ни одного.

Детей своих самоеды в школу отдают очень охотно, дети здесь живут без особой нагрузки — помогать отцу пасти оленей не приходится — здесь нет собственных, частных стад, и живут самоеды от промысла, на морского зверя, охоты на белого медведя и песчового промысла.

Под школу, как и уже сказано, переоборудована бывшая церковь — здание новое, крепкое и достаточно удобное. Здесь теперь находится и классные комнаты, и общежитие учащихся (2 спальни — для девочек и мальчиков), и квартиры 2 учителей.

Дети находятся на полном пансионе. Точно так же получают они здесь и полное образование.

Все это, как и школьные пособия и право обучения, разумеется, предоставляется учащимся бесплатно. Нельзя не отметить весьма приятного обстоятельства: постельные белье очень чистое, постели заправлены аккуратно, в комнатах чисто и светло.

Учение происходит на русском языке, так как своей письменности у самоедов нет. Это у учителей — комсомолец, и результат этого — одиннадцать красных пионерских галстуков (всего учащихся 19 человек).

Эвэлсон и его механик перед полетом

...ока международного вагона, мелкая тусклыми огоньками, быстро приносятся полуметровые сугробы деревушки, огромные шапки столетних елей и мятлов сосен. Экстренный поезд Чухомского приближается к своей цели — Красноярску, в свое время так метко переименованному А. П. Чеховым в город Ветропыльск.

Протяженный, протуженный хрип гудка — паровоз сообщая о прибытии в город ветров. Действительно погода жуткая. Вырваны из узких ущелий, вдоль белой скалереги выдвинутого торосами красавца Енисея несет дикий ветер, поднимаящий тучи блестящей, искрящейся на утреннем солнце пыли.

— Это еще только поточники — смеется веселый, никогда не унывающий, близкийший Чухомский Чухомский пилот Страбуе, которого по неизвестной причине весь экипаж очень мило зовет Диконни, — когда идет на север.

В тысячелье рисованый, полный изнежен и трудностей путь собрался четверо смеельчак, горящих одной общей мыслью: возможно скорее оказать помощь гибнущим во льдах американским летчикам. Как на шестидесятиградусном морозе будут работать германские моторы? Как предохранить себя от дикого ветра? Жгущаящей стужи? Вот те волнующие вопросы, которые так подробно и страстно обсуждались по пути к Красноярску.

— Во всяком случае, — говорит Чухомский, — мы приложим все силы, все старания, чтобы пробиться сквозь туманы, вьюги к людям, с нетерпением ожидающим от нас помощи. Ну, а не удастся, — что ж, послдим сами. Будем поджаривать медвежатину и бавоваться сибирскими пельменями, которые непременно захватили в дорогу.

И тут начинаются бесконечные воспоминания о том, какие изысканные блюда придумывал Чухомский во время стоянки в Кингбесе, в бухте Варзика, во время сна — в лагере, когда обнаружил спящего Нобле. Получается впечатление, что московский Гранд-отель — жалкая лачуга по сравнению с прелестями тонкой, наковью продовольственной парусиной пафетки, а уютнейшая кухня ресторана — лишь жалкая пародия на беспредельную изобретательность Чухомского, ведавшего составлением меню.

Началась разгрузка багажного вагона. На мерзлую едва покрытую снегом землю посыпались ящики с различным оборудованием, сложными приборами, позволяющими летунам прекрасно ориентироваться в зимней, в густых туманах, свободно приземляться на незнакомых посадочных площадках. Местные воякы в огромных пестрых долах из собачьего меха, напоминающие своим видом ряженых с хутора на

берегу Диканьки, на-лету подхватывают оцинкованные ящики и бережно укладывают их в сани, зарпанные низкорослыми густошерстными сибирячками. В тот же день в мастерских аэтона госпрохозства закончена работа. Чухомские изысканные механики разбирали и промывали моторы, заботливо укутывая различные трубопроводы для тепла изоляционными лентами. В огромном деревянном ангаре, где после трудного рейса в Карское море мирно спала гигантская неподвижающая «птица», бесшерстные люди застучали молотками, ловко лазили по ее огромному блестящему телу.

В разгар работы пришла тревожащая телеграмма: в Якутске трюки врачей-добробольцев искусла белесая сокода. Неожиданно смертельная болезнь, жизнь несчастных в опасности, ибо вакцина на месте не имеется. Лишь наш самолет может спасти от неминуемой смерти трюки пострадавших. Чухомскому не принимать спешить на помощь — видимо, таква уж его судьба. Скорее готовить самолет, быстрее ставить моторы. И работа закончена удвоенным темпом. Когда под вечер разбили стену ангара, на свежий морозный воздух нехотя, неужело коньяка, выполола гигантская птица. Маленькие вросшие в землю домики казались крохотными смешными игрушками по сравнению с крылатым стальным колюсом. Распавшая широкие плоскости, птица низко прилегла на землю, точно притонившись к валзету.

Загудели-застонали моторы. С треском и свистом расквеса воздух бешено вертелся пропеллеры, увлекая в дикий водоворот, в бесмысленную пляску бумагу и шепки. Первое испытание моторов окончилось благополучно.

— Ну, что! Какова игрушка? — любозноно оглядывая своего питомца, спрашивает Чухомский. — Вы заметили, какая четкая работа? На такой машине не страшно отправиться в самый рисованный полет.

В тот же день на Красноярском вокзале состоялся историческая встреча двух героев-летунов Чухомского и Громова, отправляющихся разными путями к одной общей цели. Из вагона высочил гоубоулазый гигант и быстрыми шагами направился к маленькой фигурке. Крепкое рукопожатие, теплые приветственные слова. Огромными шагами шамеривал Громов — десаркдер. За ним, едва поспевая, стараясь попасть в шаг, путався в непомерно больших бурках, семени Чухомский. Толпа рабочих, в тихом безмолвии затаяв дыхание, словно стараясь угадать разговор двух героев, восторженно следила за ними. Последний звонок, громкое «ура», искренние пожелания счастливого пути и удачи. Два лучших советских пилота последний раз жмут друг другу руки. Они еще встретятся, но там... далеко, в широких разливах тумана, в царстве вечного холода и голубого льда.

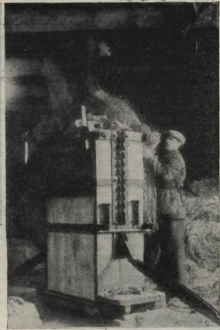

Самоед в школе

Масса самоедов не только кончат начальную школу, но с успехом окончат: соприроды, педагогические, медтехникумы и другие вузы Москвы и Ленинграда. В турах появляются партийные, советские и общественные работники-самоеды, возвращающиеся с фронтов учебы.

Всяма немаловажным является то обстоятельство, что в Велушей губе, в 1928 г. проведена ликвидация неграмотности среди взрослого самоедского населения и целиком охватено учебной школьной визарст. Из культурной и политико-просветительной работы, проведенной становивцем, нужно отметить установку радиоприемника, проведение бесед и демонстрации диапозитивов, отмечаящих революционные праздники. На ближайшей очереди выпуск стеногазеты, устройство красного уголка, уголка женщины, Осоавиахима, МОПРа, промышленника, решено, наконец, создать и библиотеку с промышленным уклоном.

ЧТО СОБЕРЕМ УТИЛЬ—КУПИМ ТРАКТОРЫ!

Каждый час, каждый день мы слышим гигантские шаги социалистической индустрии.

Растет и ширится обобщественная земля. Идет коренная ломка старой отживающей деревни, идет переделка основной массы крестьянства, ставшей на верный путь — путь социализма.

Комсомол должен организовать работу так, чтобы обеспечить помощь партии в снабжении. Нужна крупная машина, нужны средства. Женщины колхозов необходимым количеством машин. Участвуя в работе по сбору средств самого крестьянства по предварительным заказам на тракторы, по образованию экспортного фонда для закупки импортных тракторов, комсомол должен использовать другие возможности, которые дадут не одну тысячу машин для обобщественной земли. Нужно сделать упор на утиль!

Тряпье, кости, железные овалки нужно превратить в машины. Жестяные банки, старые галочки, запы, чуны, шпатаги, обрывки веревок — все это золото для закупки с.-х. орудий для колхозов.

Взяться по-настоящему, по-деловому за сбор утильсырья — это задача сегодняшних дней для всех звеньев комсомола, пионеров города и деревни.

Нет отбросов — есть утиль, сбор которого даст нам сотни тысяч рублей золотом — это значит тысячи тракторов.

Месячник по сбору утиля — это поход комсомола за золотом, это бой за крупную машину.

Методом социалистического соревнования, организацией ударных бригад по сбору утиля мы дадим стране миллионы рублей на успешную стройку и развитие крупных колхозов на советской земле.

На наших снимках — моменты сбора утильсырья (бумага, кости, железный лом, негодные шины, домашний хлам) и заключения договора бригад по сбору утиля домоуправлениями (фото — сверху, среднее).

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНЫ“

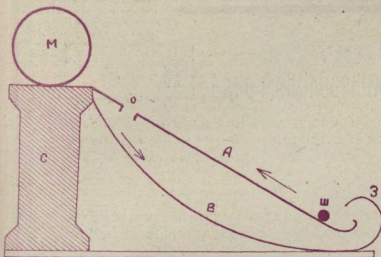
ТРЕТЬЯ СЕРИЯ

О „ВЕЧНЫХ ДВИГАТЕЛЯХ“

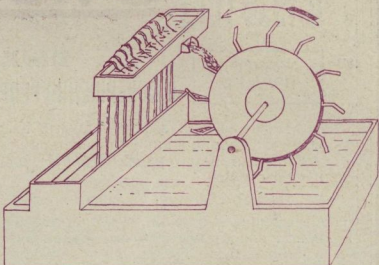
Еще в древние времена, а особенно в средние века, множество людей безуспешно пыталось изобрести «вечный двигатель», т.е. такой двигатель, который бы давал вечное движение, так сказать, «сам себя заводил».

Уже более 50 лет строго доказано, что существование такого двигателя невозможно вообще, так как он противоречит бы основным законам механики.

не дойдя до магнита, провалится в отверстие О на нижний жолоб В, покатится по нему, вскожит по закрученно 3 и попадет на верхний жолоб А. Отсюда он под действием магнита притянется наверх, опять провалится в отверстие, попадет на нижний жолоб, опять очутится на верхнем жолобе и т. д. Таким образом, по мнению изобретателя, шарик будет двигаться «вечно».

Проект 1

Проект 2

ним законов механики. Но и сейчас многие люди, знакомые с физикой, бесцельно тратят силы на осуществление заманчивой идеи «вечного двигателя».

Как мы уже говорили, наука занята сейчас вопросами отыскания дешевых и беспредельных источников энергии. Но такой «беспредельный двигатель» не имеет ничего общего с «вечным двигателем». «Вечный двигатель» пытался создать энергию из «ничего» (что невозможно), беспредельный же двигатель должен использовать бесплатную энергию (например, энергию солнца).

Вместе мы помещаем в качестве примера проекты двух «вечных двигателей».

Изобретатели-неудачники продолжают бесцельную попытку осуществить «вечное движение».

Предлагаем читателям разобраться в этих проектах и указать, в чем ошибка каждого из них.

ПРОЕКТ 1

На колонке С находится сильный магнит М. К колонке присоединены два жолоба А и В. В верхнем жолобе А имеется отверстие О. Нижний жолоб изогнут.

Изобретатель рассуждал так: если на верхний жолоб поместить железный шарик Ш, то он притянется магнитом наверх, но,

Если этот проект осуществить, то мы убедимся, что шарик двигаться не будет. Почему?

ПРОЕКТ 2

Масло налито в сосуд. Отсюда оно фитилями поднимается в верхний сосуд, в котором имеется жолоб. Через этот жолоб масло падает на лопатки колеса и этим вращает его. Масло, стекшее в нижний сосуд, опять поднимается фитилем наверх, опять попадает на лопатки колеса, которое таким образом будет вращаться «вечно». Так рения изобретателя. На самом деле никакого движения и здесь не получится. Почему?

ШАХМАТЫ

Под редакцией В. Медкова

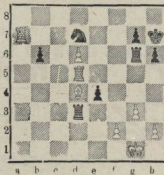
ОКОНЧАНИЕ № 1

(Финал последней партии матча АLEXИИ — БОГОЛЬЮБОВ)

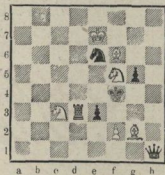
Черные: БОГОЛЬЮБОВ

ЗАДАЧА № 1

М. Кучин (Ярославль)

Белые: АЛЕХИН

Белые: Кр е7, Ф h1, Сg2 и f6, К e3 и f5, п f2(7)
Черные: Кр f4, Л d3, К e6, п e3, и g0(5)
Мат в 2 хода

Последний ход белых был 44. С e2—d4. Как будто черные не могут спастись от проигрыша. Однако Боголюбов находит блестящий ответ. 44... К d7—f6!!

Теперь 45. d6—d7 не проходит, так как на это последует: 45. Лd3—d4+ 46. нр1—e2, Кf6: d5 47. d1—d8 Ф, Кd3—f4 и мат.

Поэтому белые вынуждены отдать матово:

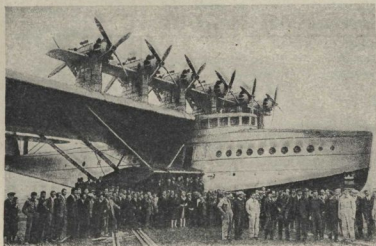
45. Сd4: f6 Лd8: d5 46. Сf6—e7 Лd5: d6

Боголюбов предпочитает перейти и выигрывает с лишней пешкой, так как проходная пешка белых вряд ли даст черным возможность использовать их материальное преимущество. Однако, как показывает дальнейшее течение партии, несмотря на лишнюю пешку, выигрывает черным не удаётся.

47. Сe7: d6 Лd6: d6 52. Лe6—e6 h6—h5
48. Лa7—e7 Лd6—d4 53. h2—h4 Крf7—e7
49. Крg1—f1 Лd4—b4 54. Крe2—e3 h6—h5
50. Лe7—e6 Крh7—g8 55. Лe6—h6 Крe7—f7
51. Крf1—e2 Крg8—f7

Ничья. Эти 1/2 очка дали АЛЕХИНУ общий результат в 15 1/2 очков и выигрывает матча.

САМОЛЕТ-ЛОДКА ДОРНЬЕ

Недавно закончен постройкой грандиозный самолет-лодка Дорнье, типа Дo-X. Он снабжен 12 моторами, общей мощностью в 6.300 лощ. сил, а поверхность его равняется 5.300 кв. футов. Предельная скорость его 240 километров в час. Механизм всего самолета так сконструирован, что он очень доступен, и частные исправления могут производиться во время полета.

Он берет с собой 150 пассажиров при команде в 19 человек. Помимо огромного количества пассажиров, он в состоянии взять с собой запас горючего на полет в 1.200 километров. Таким образом, общий вес, который этот гигант может поднять, равняется приблизительно весу 300 пассажиров.

Разбег самолета—50 секунд. Посадка его на воду была легка и почти незаметна для пассажиров.

В 1930 году

Смена

Массовый иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи.

VII-й ГОД
ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ

В СОВЕРШЕННО РЕОРГАНИЗОВАННОМ ВИДЕ

36 НОМЕРОВ
В ГОД

Более частый выход—каждые 10 дней (вместо двухнедельного)—позволит „Смене“ своевременно откликаться на боевые вопросы дня, помещать свежий, злободневный материал, организующий молодежь на борьбу на всех участках нашей стройки.

Размер „Смены“ увеличен почти вдвое (формат „Прожектора“).

„Смена“—боевой журнал рабочей молодежи—борется против классового врага, оппортунистических тенденций, левых загибов и примиренчества к ним в работе, быту, литературе и искусстве.

К участию в журнале привлечены лучшие писатели, поэты, очеркисты и художники. „Смена“ печатает много беллетристического материала.

В 1930 году „Смена“ будет печатать коллентивный роман В. Кина, В. Дмитриева, Н. Богданова, М. Светлова, М. Колосова и И. Катаева. КОМСОМЛ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРОЙКЕ. Этому отделу „Смена“ уделяет особое внимание

ШИРОКО ПОСТАВЛЕН ОТДЕЛ СПОРТА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

В 1930 году „СМЕНА“ ПЕЧАТАЕТ НОВУЮ ИНТЕРЕСНУЮ
МАССОВУЮ ИГРУ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА

Участники игры получат ценные премии

Цена отдельного номера—10 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—3 руб. 6 мес.—1 руб. 60 коп.
на 3 мес.—60 коп., 1 мес.—30 коп.

ПРИЛОЖЕНИЯ К „СМЕНЕ“:

*Борьба
Миров*

—12 больших иллюстрированных сборников революционных приключений, путешествий и открытий, научной фантастики и изобретений.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на „Смену“ с прилож. сб. „Борьба Миров“: (I абонемент) на год—7 р., 6 мес.—3 р. 70 к., 3 мес.—1 р. 95 к., I м.—70 к.

—36 выпусков произведений лучших молодых писателей, поэтов, очеркистов, публицистов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на „Смену“ с прилож. Библиотечки Смены (II абонемент) на год—5 р. 20 к., 6 м.—2 р. 80 к., 3 м.—1 р. 50 к., I м.—51 к.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на Смену с обоими приложениями (III абонемент): на год—9 р. 20 к., 6 мес.—4 р. 90 к., 3 мес.—2 р. 60 к., I м.—94 к.

По III абонементу для годовых подписчиков рассрочка: при подписке вносится 4 р. 50 к., 15 марта—2 руб. 50 к., 15 июня—2 руб. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва центр, Новая площадь, 6, Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, всеми отделениями Изд-ва, киосками Контрагентства печати, всеми почтово-телегр. контор., письмоносц. и уполномоч. с соответств. удостоверениями.